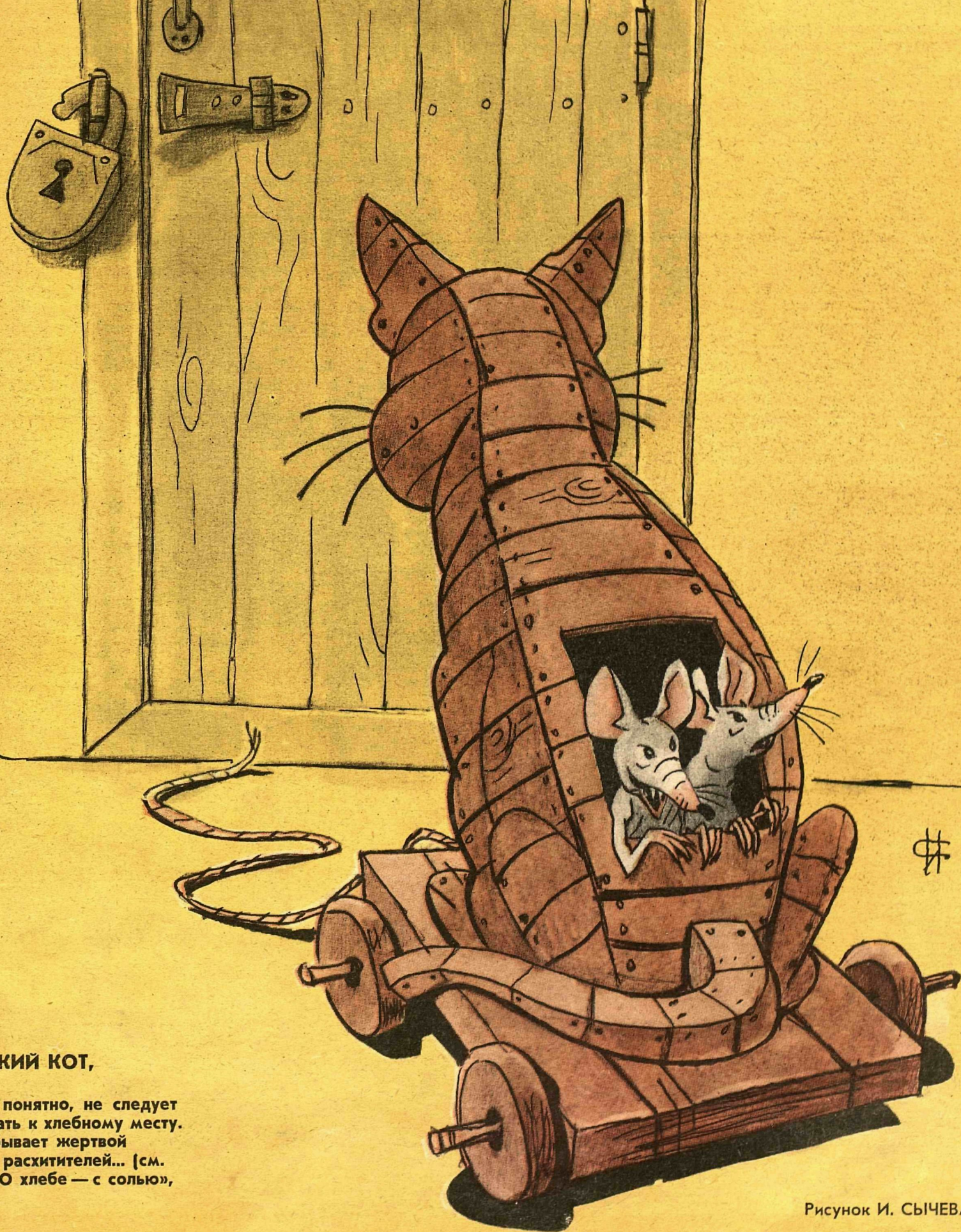

КРОКОДИЛ

№ 29 ● октябрь ● 1981

ISSN 0130-2671

ЗЕРНОСКЛАД

ТРОЯНСКИЙ КОТ,

которого, понятно, не следует и подпускать к хлебному месту. Но хлеб бывает жертвой не только расхитителей... (см. рубрику «О хлебе — с солью», стр. 2—3).

Рисунок И. СЫЧЕВА.

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ

ПИСЬМО

главному инженеру
Нарвского хлебокомбината
Данильченко Н. А.

Здравствуйте, Николай Алексеевич! Вы просили меня (а я пообещал) узнать, как думают Ваши высокие шефы в столице помочь новому комбинату, и написать Вам об этом. Выполняю свое обещание.

Мы, если помните, ходили с Вами по цехам, с трудом лавируя меж завалов изуродованных, горелых и заплесневелых кусков того, что по идее должно было называться хлебом — батонами, сайками, плюшками, калачами, халами... И я еще, если помните, поинтересовался, что это значит и не было ли здесь крупной аварии... А ваш старший технолог Башкирова мне ответила, что, мол, ничего особенного, никакой аварии, просто это все брак, а сколько его в этих завалах, дескать, никто не считал, скорее всего несколько тонн... Так вот, мы ходили и осматривали в цехах комбината разные машины, и Вы объясняли мне, как они работают, а точнее говоря, не работают...

— Вот это, — говорили Вы, — в принципе неплохая хлебопекарная печь шебекинского завода. Правда, узлы печи недоступны для смазки, вентиляционного отсоса нет, устройства для очистки пода печи нет, скорость движения пода определять нечем... А это в общем-то сносная сушилка того же завода. Правда, электродвигатели вентиляторов часто выходят из строя из-за перегрева, не успеваем сушить брак, так как сушилка все время стоит... Ну, а это тестоделительная машина батумского завода. Правда, тестоделительная ее можно назвать лишь в общем и целом: тесто она делит, но куски получаются самые разные...

Потом мы обсуждали проблемы нового комбината... (Помните, я-то больше помалкивал, в основном слушал Вас. Но это не от какой-то моей чрезмерной застенчивости, а просто потому, что я повредил себе зуб о продукцию вашего комбината — о батон «раменский» по цене 22 копейки.)

Итак, Вы говорили, что вот уже полтора года на комбинате не сокращается брак, который не успевают сушить на сухари. А население получает хлеб черствый, изуродованный, да и тот поступает в магазины с переборами. А все оттого, что не удается наладить оборудование. Что своими кустарными силами никак не заставить печи нормально печь, сушилку — как следует сушить, надрезчик — правильно надрезать, не говоря уж об этой никудышной машине батумского завода...

Затем я общался с республиканским Минпищепромом. Начальник отдела хлебопекарной и кондитерской промышленности тов. Похка Э. К. подтвердила, что оборудование на комбинате в основном бездействует, все с ним измучились и что, дескать, сам главный инженер Главхлеба союзного Минпищепрома тов. Гришин А. С. абсолютно в курсе.

И действительно, главный инженер союзного Главхлеба с первых же слов дал мне понять, что он полностью в курсе существования в Нарве хлебокомбината, но... Похоже, только от корреспондента Крокодила он впервые узнал, что там, оказывается, не работают в принципе неплохие печи, в общем-то сносные сушилки и так далее, не говоря уж об этой никудышной машине батумского завода. И хотя качеству последней он не очень удивился, но признался, что полагал, будто этих машин уже нет в природе, так как батумский завод прекратил их производство. И, мол, тем более странно, что они оказались на таком новом хлебокомбинате, как Нарвский. А вообще заказчики не должны были принимать этот комбинат в эксплуатацию. Короче, все это лучше всего уточнить в Минлегпищемаше, у самого тов. Колесникова В. Д., начальника объединения «Пищемаш».

А начальник «Пищемаша», в свою очередь, пообещал срочно уточнить, почему не работают в Нарве печи, сушилки и так далее, вплоть до этой никудышной машины батумского завода.

Сальвадорская хунта, лицемерно разглагольствующая о готовящемся фарсе с так называемыми «выборами», продолжает кровавые антинародные репрессии.

— Еще немного, и можно будет приступать к всеобщим демократическим выборам.

Рисунок В. МОЧАЛОВА

Так вот, Николай Алексеевич, на солидном уровне двух союзных министерств пока нет никакой ясности, почему не работает оборудование.

А между тем комбинату надо выпускать хлеб и одновременно своими силами налаживать то и дело выходящие из строя машины. Но тут уж Вам, Николай Алексеевич, надеяться, видимо, не на кого. Я так думаю потому, что по возвращении в Москву встретился также и с заместителем министра пищевой промышленности СССР Т. М. Селивановой и попросил ее прояснить вопрос улучшения качества нарвского хлеба.

— Это, конечно, безобразие, — деловито отреагировала Тамара Михайловна. — Я поручу Главлебу, товарищу Гришину, он свяжется с Минлегищемашем, примет меры.

И действительно, я в курсе дела, что вслед за этим на Нарвский комбинат в пожарном порядке были посланы наладчики из столицы для принятия экстренных мер по оживлению неработающих машин. Но мне теперь известно, что такие разовые экстренные меры, к сожалению, не решают проблемы...

А еще через месяц Крокодил получил от товарища Гришина письмо: «...направляем материал о принимаемых Минпищепромом СССР мерах по повышению качества оборудования, выпускаемого заводами Минлегищемаша». Вот какая наметилась любопытная ситуация: выпускает эти в общем-то сносные, в принципе неплохие и т. д. (см. выше) машины одно министерство, а принимает меры по повышению их качества совсем другое!..

Иными словами, Николай Алексеевич, такое разделение труда и предусмотрено министерствами: изготавливать, худо-бедно, будут легищемашевцы, а латать за ними — чинить, налаживать, мучиться и трепать нервы — вы, хлебопеки. Придется вам, видимо, с этим смириться, такова уж ваша жизнь...

Так что отпишите мне, Николай Алексеевич, как она сейчас, эта ваша жизнь? И, главное, как вы ухитряетесь в свободное от этой жизни время еще выпекать хлеб?

К сему

Григорий КРОШИН, специальный корреспондент Крокодила.

ПЕКИН. Как известно, недавний визит в Китай госсекретаря США Александра Хейга прошел под знаком дальнейшего согласования антисоветской политики двух стран. На приеме в Пекине Хейг под аплодисменты китайских лидеров, явно подражая модной пекинской фразеологии, провозгласил: «Наша дружба расцвела, как цветы!»

И вот уж один из цветочков проклюнулся. В районе Кантона, сообщает западногерманская газета «Вельт», будет построена ретрансляционная станция «Голоса Америки» для передачи на СССР, на государства Индокитая и Афганистан.

Если таковы первые цветы [от которых за версту несет ядовитой белизны], то каковы же будут ягодки!..

ИОГАННЕСБУРГ. В местных расистских кругах подтвердили сообщение обозревателя газеты «Вашингтон пост» Джека Андерсона, что «Китай поставляет в Южно-Африканскую республику обогащенный уран, пригодный для создания ядерного оружия».

Этот факт еще раз напоминает о сложностях и тонкостях китайских официальных текстов. К примеру, заявление Пекина, что он «укрепляет солидарность с народами Африки», в точном переводе звучит так: «оказывает помощь злейшим врагам народов Африки».

Но, как видим, несмотря на лингвистические трудности, южноафриканские расисты неплохо усвоили современную китайскую грамоту.

ТЕЛЬ-АВИВ. Как сообщает израильское радио, здесь разработана новая программа широкого жилищного строительства. За счет как расшире-

ния старых, так и создания новых поселений в ближайшее время намечено предоставить жилплощадь 150 тысячам израильтян. Предусматривается построить 30 тысяч малогабаритных квартир и еще столько же — для многодетных семей.

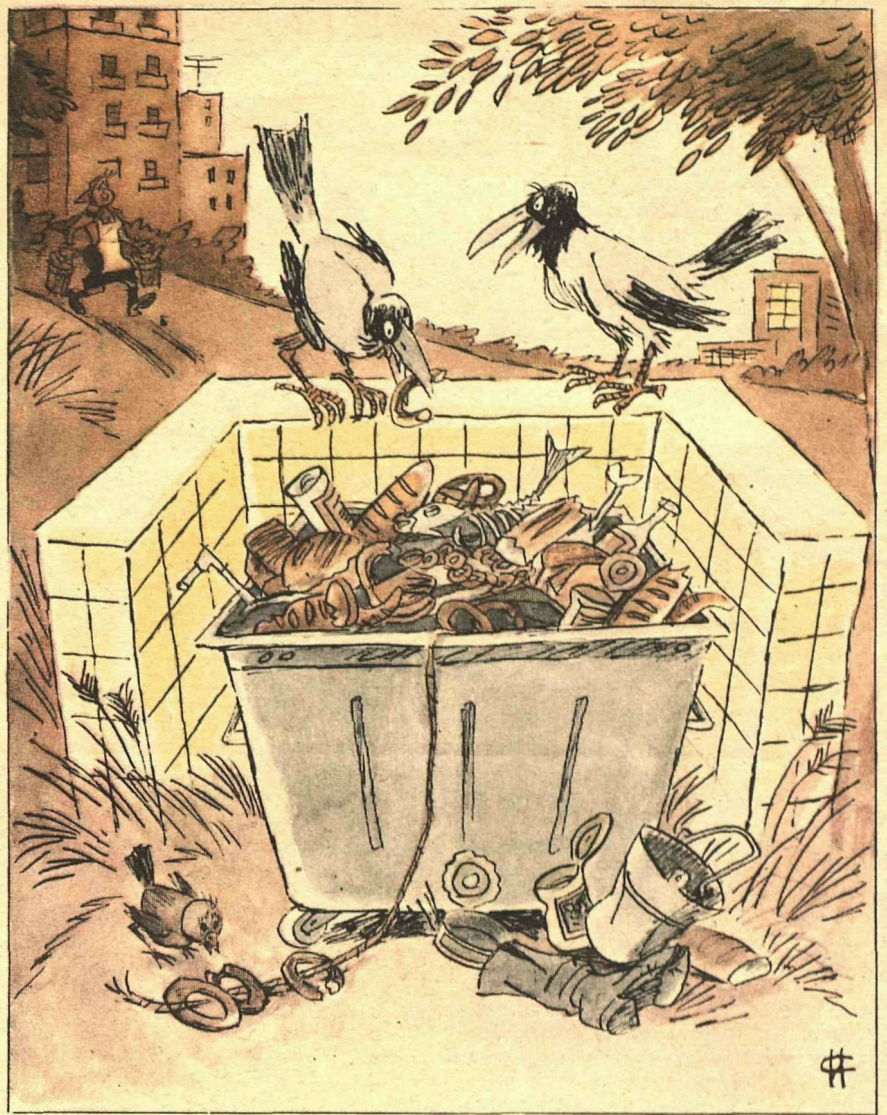
Остается добавить, что все эти квартиры будут построены... в чужом доме, а точнее, на оккупированных арабских территориях Западного берега реки Иордан.

ЛОНДОН. Корреспондент газеты «Файнэншл таймс» Р. Дейл сообщает из Вашингтона, что «ЮАР с легкостью выдержала проверку на антикоммунизм, и поэтому здесь ее считают важным аванпостом западного мира». Некоторые правые республиканцы в Вашингтоне, добавляет Дейл, «даже говорят, что ЮАР следовало бы принять в НАТО».

Что ж, логично. И не только с точки зрения «проверки на антикоммунизм». Если судить, скажем, по озвученному британских расистов, той же Англии было бы логично состоять с ЮАР в одной компании.

ВАШИНГТОН. Как сообщает «Вашингтон пост», очередной скандал вокруг ЦРУ разразился в результате появления в печати США сведений о подготовке тайных акций против Мавритании. Понятно, мавританцы потребовали разъяснений у государственного департамента США. Но тут уж руководство ЦРУ возмутилось: «Позвольте, при чем здесь Мавритания? Мы, понимаете ли, тихо-мирно готовим кое-какие операции на острове Маврикий. А тут — на тебе! Эти дурацкие газеты перепутали названия стран, а мы — отдувайся!»

Да, на сей раз американская пресса действительно спутала Мавританию с островом Маврикий. Но вряд ли мавританцев успокоили эти объяснения. Они опасаются, что опечатка эта, так сказать, временная...

— Спасибо людям, что на уборке урожая за каждое зернышко боролись!

Рисунок И. СЫЧЕВА.

ВИЛЫ В БОК!

ПАРОХОД В ОГОРОДЕ

Туристов, находившихся на борту теплохода «Комдив Гай», нещадно поджаривало горячее июльское солнце. А в это время капитана Г. И. Куракова и механика М. И. Харитонову бил озноб. Пока теплоход следовал из Астрахани в Волгоград, отчаянно барахлил двигатель. Потом и вовсе отказал. Пассажиры пришлось пересадить на другое судно, а теплоход «Комдив Гай» доставить на буксире в затон завода «Память Парижской коммуны». На повторный ремонт.

— Десяток дней стоим, — мрачно прогнозировал механик.

А подвела крохотульная деталька — вкладыш подшипника вала двигателя. Срок ее службы истек несколько лет назад, и механик Харитонов категорически возражал против отправки теплохода в плавание, пока ненадежная деталь не будет заменена. Но глас механика, вопиющего в затоне, не дошел до ушей директора завода А. Н. Масленникова. Вкладыш оставили как есть. Ну, а он хрустнул и задрал шейку вала. И теперь потребовался не только новый вкладыш, но и целый вал.

Капитан и механик произвели несложный экономический подсчет: на вкладыше завод сэкономил 20 рублей, а убыток от простоя теплохода составил 11 тысяч. Но ведь деньги за простой совсем по другой статье...

В начале этого года Волжское объединенное речное пароходство грустно констатировало: более двух с половиной тысяч рейсов за минувшую навигацию сорвано по техническим причинам. То вкладыш треснул, то компас испортился, то двигатель сломался.

И еще подсчитал начальник пароходства К. К. Коротков: на одном только Ахтубинском заводе так здорово ремонтируют суда, что несколькими десяткам из них пришлось стать на повторный ремонт.

Б. ПОЗДНИН.
г. Горький.

В товар —
лицом!

Читатели «Крокодила», как известно, делятся, кроме всего прочего, на автолюбителей и пешеходов. Но не только. Существует еще некое третье сословие, предпочитающее всем иным видам передвижения обычный велосипед. От имени-то этого сословия и взял слово несколько лет назад наш корреспондент Р. Киреев. Его фельетон так и назывался «Третье сословие» [№ 35, 1975 г.]. Речь в нем шла о мятарствах и злключениях, которые подстерегают велосипедиста. Проблем тут масса. Велозапчасты, велодорожки, велостоянки да и просто сами велосипеды, но не обычные, а складные, к которым в те времена наша промышленность еще только подбиралась.

Шесть лет минуло с тех пор. Проблемы запчастей, дорожек и стоянок с места не сдвинулись, а вот складные двухколесные машины стали все чаще и чаще появляться на наших улицах. Два таких велосипеда — для себя и для дочери — и приобрел взамен старенького ЗИФа автор того давнего фельетона. Что из этого вышло, читатель узнает из нижеследующего.

Р. КИРЕЕВ

ВСЕ ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА

Складных велосипедов в магазине № 22 Балашихинского промторга стояло много. Рядком выстроились, поблескивая никелем, лаком, белым пятиугольничком Знака качества и броским словом «Салют». Половина из них имела дефекты, которые давайте называть искренними. Они не прячутся. Не караулят момента, когда можно заявить о себе позффектнее. Они честно говорят: «Мы тут», — и эта трогательная доверчивость кое-кого подкупает. Человек скидывает пиджак и начинает... нет, даже не текущий, не эксплуатационный, а предэксплуатационный ремонт.

Но я все-таки выбрал велосипеды без внешних дефектов. Я приобрел два велосипеда с заводскими номерами 322035-80 и 320504-80, в паспортах которых стояло клеймо «ОТК-065», дата 14 октября 1980 года и неразборчивая, естественно, подпись.

Первый велосипед забарахлил через сорок пять минут после начала эксплуатации. Затарактела каретка. Я вернулся домой, раскрыл описание и прочел, что «регулировка подшипников каретки производится с левой стороны при снятой цепи». Распластавшись на полу, произвел регулировку подшипников с левой стороны при снятой цепи. Потом принял душ и, когда темных пятен машинного масла на мне почти не осталось, сел и поехал. Ах, как ровно, как мягко, как прекрасно вращались педали, отрегулированные собственноручно! Ни скрежета, ни стука. И вдруг легкий щелчок, от которого екнуло сердце. Словом, не прошло и часу, как угомонившаяся было каретка снова заговорила со мной грубым, если не сказать хамским, языком.

Тогда я пересел на другой велосипед. Этот продержался дольше — час с четвертью, а потом я услышал знакомое: фру-фру...

Ну, и началось... Тут были и безуспешные попытки дозвониться до гарантийной мастерской и консультации с веловладельцами, которые говорили: «Ха! «Салют» покупай! Да еще два... Лучше уж положить две сотни на тротуар и придавить их четвертинкой кирпича — все целее б было». И поездки в гарантийную мастерскую, единственную на восьмимиллионную Москву. И доверительная беседа с начальником цеха № 11 завода по ремонту металлоизделий № 2 А. Г. Корытным, в подчинении которого мастерская находится. Александр Григорьевич торжественно

подтвердил: худшая машина — и сходу начал перечислять типичные дефекты «Салюта»:

1. Непропайка рамы.
2. Скверные вилки — резьба летит.
3. Несосность...
4. Отверстия на соединительном узле не сходятся друг с другом.

И так далее. Две дюжины более или менее характерных изъянов считал начальник цеха, но «моего» в этом списке еще не было, ибо «мой» изъян — тот самый, из-за которого тарактела каретка — слишком уж, оказывается, простенький. Всего-навсего забыли положить фигурную шайбу (еще ее называют шайбой с усиком). Что это такое? А вот что:

С этим рисуночком я объездил все специализированные магазины Москвы, и всюду мне говорили: «Ну, что вы, что вы! Откуда?» 77 часов чистого времени, подсчитал я, ушло на это.

Одна-единственная шайба отыскалась на всю Москву. Она лежала — в качестве образца, что ли? — в кармане бригадира гарантийной мастерской Игоря Александровича Крюкова. А вообще-то в мастерскую обращаются лишь отъявленные неумехи, вроде вашего корреспондента. Большинство ремонтируют сами. Периодически эти люди встречаются у магазинов «Спорт» и обмениваются опытом, а также запасными частями. Но где ж достают они их? Ведь запчасты, как известно, не валяются на дороге.

Валяются! В том-то и дело, что валяются, причем в широком ассортименте. Водители автомобилей не знают этого. Они несутся сломя голову, и взгляд их при этом устремлен далеко вперед. Не то велосипедист. Этот пилит себе по обочине и чего только не видит на ней! Болтики, гаечки, шайбы (в том числе и фигурные), вкладыши, шарики, прокладки, пружины, стерженьки... Такое, знаете, впечатление, что бедная наша техника рассыпается на ходу, а нагнуться и подобрать некому. Разве что ему, велосипедисту.

Вот почему я по-прежнему настаиваю: велосипедист находится по сравнению, скажем, с автолюбителем в положении привилегированном.

ВЫ МНЕ ПИСАЛИ...

Антикультурная реакция

Получили мы коллективную жалобу от молодежи села Тайна Канского района Красноярского края, в которой довольно живописно обрисован стиль работы директора местного Дома культуры А. Таптун. Стоило директору появиться во вверенном очаге культуры, как у нее возникала антикультурная реакция — она то и дело раздражалась крепкой бранью, обдавая подчиненных и посетителей не менее крепким запахом винного перегара.

Секретарь Канского РК КПСС В. Ходор сообщил нам, что поведение А. Таптуна разбиралось на заседании местного районного отдела культуры, ей объявлен строгий выговор с последним предупреждением.

Залп по карпу-лещу

«Люблю я утром с удочкой по берегу бродить...» Безмятежно мурлыча эту старую песенку, один из жителей г. Новокузнецка направлялся к излюбленному местечку у реки Томи. Но едва глянул на реку, как ахнул: кто-то заранее позаботился, чтобы рыболов не перетрудился. Рыбка покачивалась на волнах брюшком вверх — загребай ее в садок хоть тонну...

Это в очередной раз отличился Запсиб, или полнее Западно-Сибирский металлургический завод, выпустив в Томь несколько залпов отходов.

Рассказав об этом свежем происшествии, наш читатель М. Игнатович спрашивает: какие меры принимаются, дабы не было больше «этих ужасных залпов по карпу-лещу»?

Как сообщил нам заместитель председателя Кемеровского облисполкома Г. Сафронов, неоднократные штрафы, которым подвергались в прошлом руководители Запсиба и Кузнецкого металлургического комбината, не вгоняли их даже в краску. Краску и прочие отходы они по-прежнему вгоняли в реку... Тогда было решено привлечь непосредственных виновников загрязнения Томи и гибели рыбы к уголовной ответственности. И вот народный суд г. Новокузнецка приговорил мастера цеха химулавливания коксохимического производства Запсиба Б. Кривца к двум годам лишения свободы и уплате штрафа 1000 рублей; механик смоломagneзитового цеха Суставос осужден на два года условно и оштрафован на 500 рублей. За загрязнение реки Аба-Томь выбросами мазута непосредственный виновник слесарь-ма-

зутчик мартеновского цеха Кузнецкого металлургического комбината Степочкин осужден на один год условно и оштрафован на 1000 рублей.

А как поступили с не «непосредственным виновником» этих происшествий — директором Запсиба Б. Аппиным? На описанном суровом, но справедливом фоне санкций он отделался менее чем легким испугом — штрафом в 100 рублей.

Все, как положено

Помощник бурильщика Г. Шалаев по семейным обстоятельствам решил уволиться. Как положено, он предупредил администрацию, а именно начальника геологоразведочной партии Ю. Кириллова, об этом своем решительном шаге заблаговременно.

Начальник, как положено, издает на этот счет приказ — это в сентябре, значит, прошлого года. Теперь остановка была за получением заработанных денег и трудовой книжки. Приходит за всем этим Г. Шалаев и дивится: нет ни расчета, ни книжки.

— Подождите маленько, — говорят ему, — начальство нынче занято. Со временем освободится, тогда и разберется что к чему.

Помощник бурильщика подождал и маленько и не маленько — в общем, миновало два месяца, пока занятый по горло начальник партии распорядился выслать возмущенному рабочему нужный документ. И зачем манежили человека столько времени, никто толком объяснить не мог. Разве что утхомиривали: «К чему шуметь! Не вы первый, не вы последний...». Слабое, однако, утешение.

Об этой волоките Г. Шалаев написал в «Крокодил». Письмо было переслано в прокуратуру Целиноградской области Казахстана. И вот получен ответ за подписью прокурора области Ю. Хитрина, где говорится, что начальник партии Ю. Кириллов грубо нарушил трудовое законодательство, за что привлечен к ответственности. Г. Шалаеву выслана трудовая книжка, а деньги — теперь уже с учетом оплаты вынужденного прогула — переведены в апреле 1981 г. Все, как положено.

Самоотверженный таракан

Житель г. Ульяновска И. Есиков, купив бутылку «Портвейна белого» Степанакертского винзавода, обнаружил внутри нее опочившего таракана. О чем и написал в редакцию. Данными, с какой целью насекомое забралось в бутылку, тов. Есиков, естественно, не располагал. Во

всяком случае, если оно ценой жизни решило привлечь внимание вышестоящих организаций к безобразиям, творящимся на данном предприятии, то в этом вполне преуспело. Как сообщил заместитель генерального директора Нагорно-Карабахского производственно-аграрного объединения А. Гаспарян, в связи с героическим поступком таракана на заводе проведено специальное совещание. Выявилось, что «постороннее включение» [такого термина удостоился покойный таракан в официальном документе] — сущая мелочь по сравнению с другими нарушениями, допускаясь на предприятии, где для цехов розлива характерны «постоянный выпуск недоброкачественной продукции и антисанитария». В результате директор завода Ю. Авагимян получил строгое предупреждение, главный инженер А. Дадаян и зав. лабораторией А. Арутюнян — по выговору. Впрочем, не все что-нибудь получили, некоторые кое-чего лишились. Имеется в виду квартальная премия, без которой частично или полностью оставлены двенадцать работников завода, в том числе два начальника цеха и два старших мастера.

Молчи, грусть, молчи!

«Не могу промолчать о своей грусти, — написал нам рабочий Котласского деревообрабатывающего комбината В. Гришечкин. — В День Победы у нас вручали подарки участникам войны, а меня, скромного ветерана, почему-то обошли...»

Эту обиду, выраженную в письменной форме, мы переадресовали Архангельскому областному комитету профсоюза рабочих лесбумдеревопрома. Ответ получен от секретаря обкома профсоюза А. Трофимова: дескать, и мы не можем молчать — означенный ветеран как раз в канун праздника сам преподнес подарок коллективу ДОКА, напившись до изумления и надебоширив до оскорбления. Местная милиция тоже не помалкивала, направив нарушителя порядка в вырезвитель, а дело о его выходках — в товарищеский суд.

По-видимому, из скромности обо всем этом наш жалобщик не упомянул. Как не проронил ни строки о хорошо ему известном положении относительно премирования: лица, нарушившие общественный порядок или трудовую дисциплину, лишаются права на все виды поощрений.

Хотели было и мы промолчать, но все же интересно: на что уповал В. Гришечкин, посылая нам жалобу? Что его письмо напечатают без проверки? Или что сотрудники журнала, пустив шапку по кругу, сами вышлют ему подарок?

Молчи, грусть, молчи!

Рисунок Д. КРЫЛОВА.

Борис КУДРЯВЦЕВ

Рассказ

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Распределился после института в проектный отдел. Явился по адресу.

— Работы завал, — обрадовались там, — специалисты позарез... Точи карандаш и рисуй!

Я сел за стол и взял карандаш.

— Не надорвись, — сказал кто-то. — Выйдем! Вышли.

— Не будь дураком, очень-то не старайся!

Я кивнул, вернулся и взял карандаш.

— Покурим? — хлопнул кто-то по спине.

— Если недолго.

— О чем тебе говорил только что Вилкин?

— Чтобы я не работал.

— Подлец! Вечером выступишь на собрании...

Я кивнул, вернулся и взял карандаш.

— Выйдем! — сказал Вилкин. — О чем тебе только что говорил Колышкин?

— Чтобы я выступил против вас на собрании.

— Спокойно! — закричал Вилкин и кинулся в туалет напиться воды. — Сейчас что-нибудь придумаем!

Я вернулся и сел рисовать.

— Хватит сидеть, — сказал Колышкин, — не до работы... Ну-ка выйди! Быстро...

Я выскочил. Один. За дверью зашумели. Кричал Колышкин, орал Вилкин.

Вызвали меня. К начальнику.

— Послушай, — сказал он, — ты человек новый, поэтому можешь не знать: будь осторожней, не ввязывайся!

— А я ввязываюсь? Они сами...

Я вернулся к себе и сел рисовать.

— Хватит пахать! — сказал Вилкин.

— Пойдешь с нами! — приказал Колышкин.

Вышли.

— О чем тебе говорил начальник? — спросили Колышкин с Вилкиным.

— Чтобы я не ввязывался.

— Дурак он после этого! — возмутился Колышкин. — Ничего не понимает!

— И карьерист! — кивнул Вилкин.

Я вернулся к себе.

— Новенький, к начальнику! — позвала секретарша.

— Что тебе говорили Вилкин с Колышкиным? — спросил начальник.

— Что вы дурак и...

— Довольно! — сказал начальник. — И ты поверил? Я не хотел говорить тебе, но теперь скажу: Вилкин — лодырь, а Колышкин — склочник, каких свет не видывал! Что с ними делать, как ты думаешь? Может, уволить?

Я кивнул и вернулся к себе.

— Мы тебя ждем! — сказал Колышкин. Вилкин выкинул мой карандаш в окно.

Вышли.

— О чем говорил начальник?

— О том, чтобы вас уволить.

— Ах так! — заорали оба и метнулись к начальнику. Меня волокли с собой.

— Ну! — грозно спросил начальник. — Опять! Ты зачем к нам пришел? Работать? Или?!

— Работать! — крикнул я. — Работать!

— Что-то не видно! — ехидно захихикал Вилкин.

— Даже не пахнет! — сказал Колышкин.

— Даю тебе испытательный срок! — подумав, сказал начальник. — А там...

Я побежал к себе, сел за стол и схватил карандаш в обе руки.

— Не психуй, — тихо подошел Вилкин. — Выйдем, что-то скажу.

Я не пошел.

— Куда тебя звал Вилкин, что хотел сказать? — шепнул Колышкин. — Выйдем, расскажешь.

Я отказался. Они побежали к начальнику.

— Новенький! — кричала секретарша. — Иди к начальнику!

Я не пошел. Ни к кому. Работал. «Отстаньте! — кричал. — Отстаньте все!»

К вечеру меня уволили. За неуживчивость и склоку, за неподчинение приказу и малую отдачу.

г. Челябинск.

Зубная щетка и зеленый «ситроен»

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ:

Вскоре Буковского арестовали, и, конечно же, западные радиоголоса немедленно запрудили эфир истерическими воплями о нарушении прав человека в СССР, рассматривая эти права лишь как право на антисоветчину. Между тем советские власти поступили так же, как поступили бы власти любой другой страны, защищая безопасность, охраняя нравственность, здоровье и мораль своих граждан.

И в этой связи небезынтересно обратиться к служебной записке директора одного из американских отделов исследования СССР Д. Симса. «Отнюдь не бесполезно спросить: как реагировало бы большинство американцев, если бы в США объявились диссиденты, притворяющиеся, что заняты-де «правами человека», взяв на вооружение в качестве основного метода работы обращения к недружественным иностранным правительствам? — задает вопрос Д. Симс и тут же на него отвечает: — Такие люди встретились

В Нью-Йорке по заданию ЦРУ организуется печатание клеветнических, антисоветских материалов. В этом участвует Л. Алексеева, которая направлялась из СССР в Израиль для воссоединения с семьей и оказалась в США.

Сотрудник ЦРУ в Париже Макс Ралис ищет человека, который бы занялся распространением антисоветчины во Франции. Ему помогает Дина Верни. В Москве она знакомится с Владимиром Максимовым.

В хлопотах перед дальней дорогой прошел год, в течение которого семейный Платонов все же выкраивал вечера для встречи с Максимовым. Отпетый холостяк выглядел хмуро и насупленно. Отправляясь в ЦДЛ, он брал с собой зубную щетку, которую демонстративно носил в на-

дней творения» опубликована за границей. У Максимова в качестве его секретаря работал хорошо известный представитель инакомыслящих Владимир Буковский...
Тут уж Леночка вконец растерялась и не знала, куда ей идти: в психиатрическую лечебницу или в тюрьму? И решила она сперва побывать в Союзе писателей. Поехала на улицу Воровского, пошла к дому номер 52, а навстречу ей из подъезда выкатывается сам Максимов. Раскрасневшийся, с блудливо бегающими глазками.

...любо ко всему письму отговорить
и оставить это для собственных
совместную работу, но то, что
отаж трудно назвать...

Еще раз спрашиваю — очень
ободу? Конечно, я понимаю, что
— так совсем другое дело,

Как мы живем, я достаточно расписываю своим родным.
но, конечно, не так уж мы упиваемся всякими благами, как я

Алексей ГОЛУБ

НЕЗНАКОМКА В ЧЁРНЫХ П

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ТОМ, КАК САМЫЕ РАДУЖНЫЕ МЕЧТЫ ПОРОЙ МОГУТ СМЕНИТЬСЯ

...ку. Я тебе напишу все как я са
ного употребления... ... Наташа с
она проделывала с выпускном другим с
для нас важно: слышно ли сейчас
и без этого все равно надо в ней
когда слышат

бы с крайней враждебностью в США и стали бы объектом тщательного расследования со стороны ФБР».

И ЕЩЕ ПОДРОБНОСТИ:

...Максимов об аресте Буковского узнал через неделю от Платонова.

— У тебя там никого нет? — спросил Платонов, не решаясь переступить порог бескудниковской квартиры. — А то Володя сунулся вот так, а там его ждали.

— Что?! Арестовали? — испуганно вытаращил глаза Максимов.

— В прошлую пятницу... Ну, я пошел к своей французенке.

— Зайди, посиди, — с трудом приходя в себя, попросил Максимов, но, увидев, что Платонов поворачивается к нему спиной, ревниво сверкнул глазами:

— Неужели к мадам Верни?

— Мадам Верни улетела в Париж. Есть тут у меня еще одна.

Платонов давно уже был знаком с проживающей в Москве хрупкой французенкой Мадлен Масарель — переводчицей одного из книжных издательств — и после ареста Буковского форсировал события. Он быстренько сводил Мадлен в загс и перебрался к ней на квартиру, где покорно жевал спартанские завтраки по-французски, диетические обеды и не грозившие ожирением ужины.

Предложение переехать в Париж Мадлен встретила без энтузиазма.

— В Париж? — недоуменно переспросила она. — Но ведь в Москве у меня интересная работа и хорошие заработки... А в Париже я не могла устроиться. И потом здесь у меня хорошая квартира! Совсем не такая, как в Париже, на улице Дидо!

— Не беспокойся, дорогая, — успокаивал ее Дима, — безработица тебе больше не грозит. В Париж ты возвратишься не мадемуазелью Масарель, а мадам Платоновой. А это что-нибудь да значит! — И, самодовольно улыбнувшись, добавил: — И мсье Платонов тоже.

грудном карманчике пиджака. «Так, на всякий пожарный случай», — не без бравады объяснял он встречным.

За прощальным ужином с супругами Платоновыми он много пил и, приближаясь лицом к собеседнику, спрашивал:

— Скажи, Дима, как бы мне махнуть на Запад, а?

— Понимаешь, в чем дело, Влэд, — терпеливо объяснял Платонов, — перед тем, как отправиться в путь, хорошо бы знать, кто тебя будет там поить и кормить... Тем более, что целиком полагаться на твою писательскую известность было бы непозволительно легкомыслием. А чтобы к тому же стать известным писателем, нужно много и упорно трудиться и, главное, бросить пить, что вряд ли тебе удастся. Вот я разнюхаю там все как полагается, а потом приглашу к себе погостить... О'кей?

И ЕЩЕ:

Примерно через год после отъезда Платонова Максимов преподнес машинистке Леночке свой изданный три года назад сборник «Мы обживаем землю» с дарственной надписью, которая повергла его симпатию в полнейшее недоумение: «Надо полагать, что это последняя изданная мною книга...»

В ту ночь всевозможные догадки и предположения не давали Леночке уснуть: что же задумал Владимир? И почему дарственная надпись сделана на книге, имеющей трехлетнюю давность?

В раздумье Леночка включила транзистор и неожиданно услышала фамилию того, кто доставил ей столько переживаний.

«Говорит радио «Свобода», — вещал откуда-то издали чей-то гнусавый голос. — Сегодня мы начинаем чтение главы из романа Владимира Максимова «Семь дней творения»... Владимир Максимов объездил всю Россию... После выхода за границу романа «Семь дней творения» получены сведения о том, что Максимов помещен в психиатрическую больницу...»

Диктор перешел к чтению самого романа, а Леночка сидела и не знала, что ей делать: радоваться или печалиться? Радоваться, что ее поклонник, оказывается, не только не прекратил писательскую деятельность, а, наоборот, даже написал роман; печалиться, что после этого романа его поместили в психиатрическую больницу. В общем, Леночка решила, что утром обязательно съездит в больницу проведать своего поклонника. Но тут снова стали передавать что-то его касающееся.

«Говорит Лондон... Из Москвы поступило сообщение о подготовке показательного судебного процесса над советским писателем Владимиром Максимовым. Последняя книга Максимова «Семь

— Что случилось, Володенька? — со слезами бросилась к нему Леночка.

— А в общем-то, ничего особенного, — ответил Максимов. — Ну, исключили...

Так Леночке стал ясен смысл дарственной надписи на книге, которую ей преподнес Максимов. Тогдашний член СП конфиденциально информировал симпатизировавшую ему читательницу, что еще три года тому назад круто изменил политическую направленность своих произведений и решил издаваться не в своей стране, а за рубежом, где сколько угодно издательств, приглубляющих тех, кто желает навредить Советскому государству.

Долго еще бушевали западные пропагандистские центры, по второму и третьему разу потрясая воображение радиослушателей сногшибательными известиями о «трагической судьбе инакомыслящего литератора». В одном случае с неподдельным негодованием сообщалось, что «жертва коммунистического произвола Владимир Максимов заключен в тюрьму». В другом — со слезами в голосе: «Владимир Максимов сослан на каторгу». В третьем — ну прямо-таки со стоном: «Максимова постигла та же участь, что и всех других, пытающихся говорить правду. Он надолго помещен в психиатрическую больницу».

А в каких же местах все-таки пребывала и чем занималась в это время сама жертва?

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСЕЕВОЙ:

«Как мы живем, я достаточно расписываю своим родным. Все это правда, но, конечно, не так уж мы упиваемся всякими благами, как я пишу для их успокоения...»

И НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ:

Вопреки ожиданиям Максимова, его прибытие в Париж не вызвало сенсации. У трапа самолета не толпились официальные лица и корреспонденты, и подтянутым ажанам не пришлось сдерживать разгоряченную, ликующую толпу. В здании аэровокзала его ожидал Платонов, который представил его нескольким натянуто улыбающимся субъектам.

— «Посев»...

— «Русская мысль»...

— «Свобода»...

— Не знаю, как для вас, — по-французски обратился к заметно сникшему Максиму представителю замшелого белоэмигрантского листка «Русская мысль», — но для нас было бы лучше, если бы вы оставались там. Для нас вы там нужнее. Но, коль уж прибыли, ничего не поделаешь... Будем благодарить бога, что вам удалось сбежать из тюрьмы, то есть, я хотел сказать, с

катогри... Или из психиатрической больницы? Уж не припомню, что про вас писали... С прибытием в веселый город Париж! Виват!

На этом торжественная церемония была закончена. Платонов вывел гостя на привокзальную площадь и направился к выстроившимся в ряд роскошным, сверкающим лаком лимузинам. Максимов присоился было в соответствии со значительностью момента, но Платонов, не задерживаясь, миновал важные «ватуюр отомобили» и остановился у маленького облупленного «рено».

— Не смотри так удивленно,— объяснил он.— Я приобрел эту тележку не потому, что не знал, на что истратить франки. Проезд в метро и автобусе здесь стоит дорого, и иметь вот такой возок даже выгодно.

Гость и хозяин втиснулись в «рено» и покатали в недорогой отель, где для Максимова был оставлен номер. Платоновское гостевое приглашение и обязательство перед французскими властями взять иностранца на полное обеспечение сыграло чисто формальную роль. «Свобода» обеспечивала Максимова жильем, питанием и даже «карманными».

Московский гость ожидал, что парижский старожил в первый же день пригласит его отобедать в каком-нибудь фешенебельном ресторане,

Как слышно «Свободу»?

ИЗ ПИСЬМА АЛЕКСЕЕВОЙ:

«Еще раз спрашиваю — очень для нас важно: слышно ли сейчас в Москве «Свободу»? Конечно, я понимаю, что и без этого надо в ней работать, но все-таки совсем другое дело, когда слышат...»

И НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ:

Ралис знал, что Максимов в Париже, и с нетерпением ожидал его появления в бюро. Вместе с тем он не торопил события, ибо на своем опыте убедился, что с человеком, который успеет оглядеться и узнать, что и почему на Западе, разговаривать проще. А в общем, поди разберись, например, хотя бы с этим типом. Что он задумал и какое коленце выкинет?

Ралис внимательно оглядел Максимова. Перед ним, ссутулившись, сидел хмурый, непрезентабельный человек. Внешность не так, чтобы... Да и писатель не ахти какой. Но выбирать было не из чего! Другой кандидатуры нет!

— Почему же, и я по конспиративным! Если бы вы не меняли фамилии, вас, наверное, давно бы уж замели. Вот и я, после того, как бежал из колонии, поменял Самсонова на Разумовского Льва Тодоровича... Чтобы не замели.

— Это вы изменили в первый раз, а во второй?

— Как я стал Максимовым, что ли? Это уж без всякой конспирации. После отсидки за воровство купил в Ленинграде чей-то паспорт.

— Люблю, когда все начистоту,— посасывая трубку, удовлетворенно сказал Ралис.— Да и врать вам было ни к чему, потому что в вашей биографии я совсем не вижу чего-нибудь такого особенного. Думаю, что мы с вами сработаемся. Так говорят у вас в России?

— Не у нас, а у них,— поправил Максимов.

Теперь Ралису предстояло выяснить политическую программу своего новобранца, а также замышляемые им действия. И тут Максимова понесло. У него, оказывается, имелась разработанная в деталях система государственного переустройства СССР. Нет, не на основе демократии в западном понимании. Такая демократия себя изжила, в чем можно убедиться на примере США, где даже при выдвижении в конгресс требуются солидные средства, а на кампании по выдвижению

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ЕРЧАТКАХ

ГОРЬКИМ РАЗОЧАРОВАНИЕМ

вроде «Георг V», где подают омаров в красном соусе и жаркое из зайца, начиненного чесноком и трюфелями. Или в блистательное варьете «Мулен Руж», где выделяют голову кружильные па голенькие балеринки. Но этого не случилось.

Обедали в ресторанчике под встречающей почти на каждой улице вывеской «Сель-сервис», что по смыслу означает «Столовая самообслуживания».

За неполные два года жизни на Западе Платонов стал другим. Он уже не выкрикивал ухарски: «Гарсон! Бутылку водки! Бутылку шампанского!» — как это было когда-то в Москве. Закончив с едой, он подходил к буфетной стойке и, как бы извиняясь, произносил: «Одну водку...» Или: «Один коньяк...» И бармен плескал чего-то на донышко стакана. При этом расплачиваться каждый должен был за себя сам.

Это скупердяйство поначалу приводило Максимова в бешенство.

— Ты что, совсем офранцузился? Жмот несчастный! — скрежеща зубами, бормотал он.— Скажи, чтобы налил мне полный стакан! За свои собственные франки выпить нельзя, да?

— Что мне тебе сказать по этому поводу,— задумчиво говорил Платонов.— Я получаю примерно столько же, сколько многие другие. Но жизнь здесь совсем иная. Здесь все стоит дорого, и деньги не швыряют налево и направо. Мы с Мадлен записываем наши доходы и расходы в специальную тетрадь. С каждой получки откладываем на отпуск, одежду и другие приобретения... Ну и, конечно, кое-что на черный день. Живут так почти все. Ты в этом сам убедишься.

Платонов работал в Парижском отделении «Свободы», куда его устроил Ралис. Ралис дал ему работу, Ралис в любой момент мог отнять ее. Вот и приходилось беречь каждую копейку.

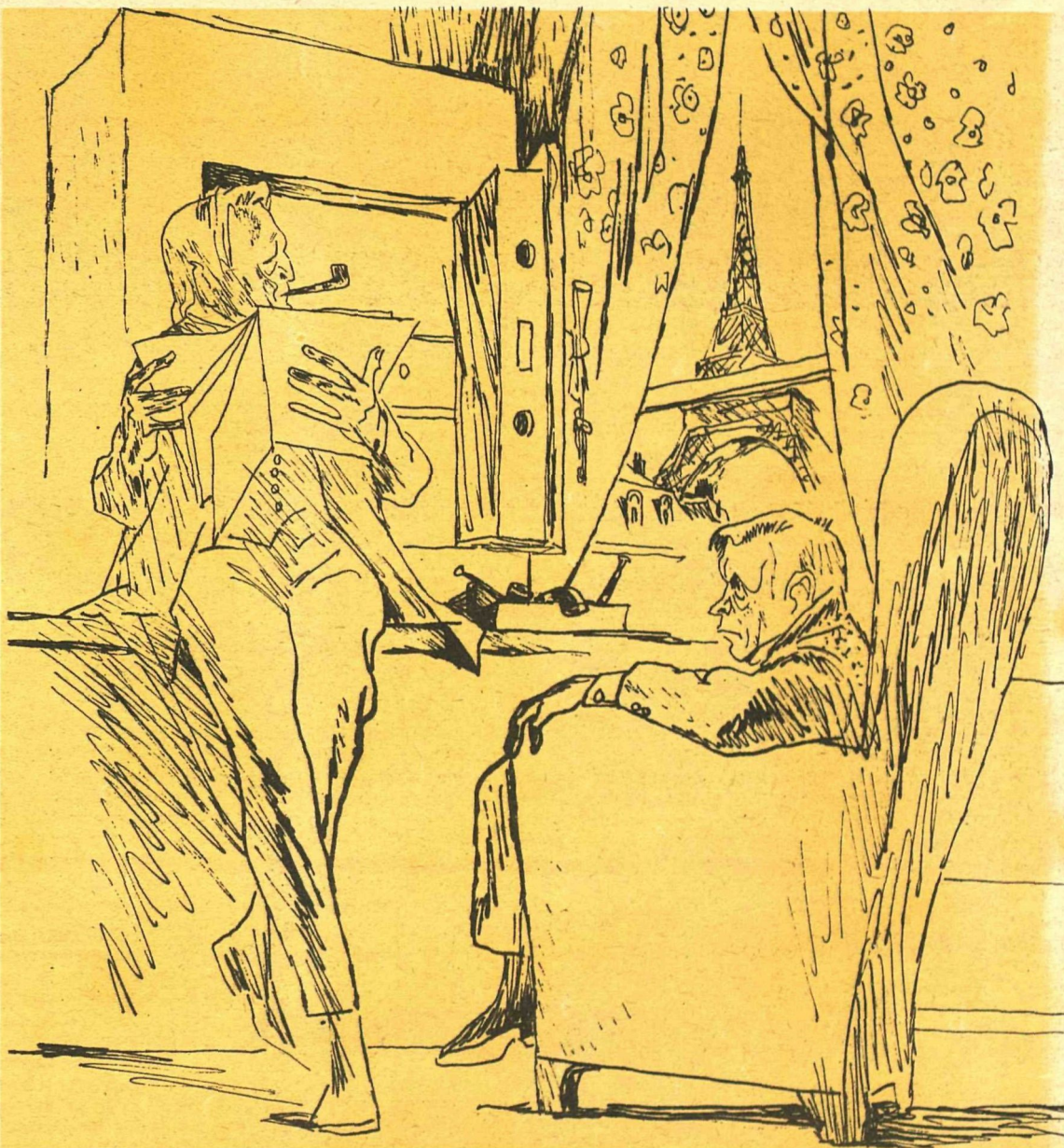
В общем, наступил день, когда Максимов отправился с визитом к шефу. Платонов подвез его к дому, в котором находилась резиденция Ралиса, и, указав на полутемную арку, пояснил:

— Вон туда! Зайдешь во двор, посмотри, стоит ли зеленый Citroen «115-ВСК-75». Если стоит, значит, шеф на месте. В подъезде лифт, шестой этаж.

Зеленый «ситроен» стоял. Дверь открыл молодой коренастый мужчина с военной выправкой. За его спиной стоял второй такой же.

— Могу ли я видеть господина Ралиса? Я писатель Максимов из Москвы.

Молодые люди посторонились, пропуская Максимова. Навстречу ему из кабинета вышел пожилой, невысокого роста мужчина с пышной седой шевелюрой. Подавая руку, он пытался изобразить на лице некое подобие улыбки.

Полковник раскурил трубку, с которой никогда не расставался, подошел к тяжелому сейфу и вытащил из него личную карточку Максимова.

— Тэ-эк-с,— проговорил он.— Так, значит, Максимов Владимир Емельянович.

— Он самый...

— А, извините, ваша настоящая фамилия?

— Самсонов,— насторожившись, ответил Максимов.

— А звать?

— Лев Алексеевич.

— А после Самсонова?

— Извините, господин Ралис,— взъерепенился Максимов.— Я же не спрашиваю, сколько у вас было фамилий!

— Пожалуйста, спрашивайте! Но я вас сразу должен буду огорчить: я менял фамилии по конспиративным соображениям. А вы, я подозреваю, по совсем другим.

президента расходуются буквально астрономические суммы.

Ораторствуя, Максимов не замечал, что Ралис хмурится, с трудом сдерживая гнев.

— Знаете что, любезнейший,— прервал излишняя Максимова Ралис,— зайдите-ка ко мне как-нибудь в другой раз!

Максимов, не понимая, чем он вызвал бешенство шефа, с подгибающимися коленками вышел в переднюю и стал натягивать пальто. Когда он закрывал за собой дверь, из кабинета донесся голос Ралиса:

— Если будете туда писать, спросите, как слышно «Свободу».

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

СЛУЖБА

Леонид
ФРАНЦУЗОВ

Передо мной сидит артист,
Потупив взор свой, как послушник.
Смотрю в репертуарный лист:
«Лакей», «Холуй», «Слуга», «Прислужник».
Мне и смешно и очень грустно,
Что я ему сейчас скажу!!
А он: «Любимому искусству
Всю жизнь служу, служу, служу...»

А. ЯЧМЕНЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

ПРОВЕРКА ТЕНИРСОМ

По небольшому южному городу катился слух. Распространившись с места события—городской картинной галереи—наподобие кругов от брошенного в тихий омут камня, слух немедленно оброс живописнейшими деталями.

На восточной окраине города муссировались подробности:

— Кража! И какая бесстыдная, циничная кража! Белым днем орудовали! Ну, как водится, обезвредили охрану твердым тупым предметом по голове, скорее всего батоном из булочной № 3. Проникли внутрь галереи, дорогостоящее полотно фламандского художника Тенирса со стены цоп — и тягу.

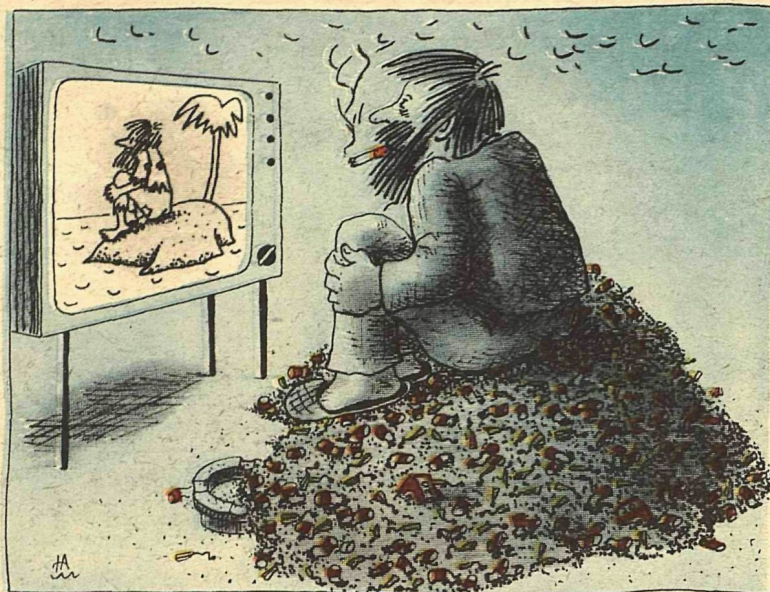
— Отпечатков пальцев не оставили,— дополняла западная окраина,— затирали специальными колонковыми кисточками, благо один из злоумышленников и сам художник. И уходили хитрым путем, а маршрут выработал другой — самый матерый, архитектор, применяя доскональное знание планировки города.

— И главное,— бурлила общественность северной оконечности,— как умело все подготовили! Длительное время маскируясь под честных граждан, вынашивали план хищения!

Итог подводился сообща:

— А когда шайка-лейка почуяла за спиной шумное дыхание сыска, предприняло ворье со-

Рисунок
Н. МАЛОВА

Алексей ПЬЯН

Тень на плече

Под крылами взвихренны
Роль актера смерти лишен
Мне сказали: — Будешь
Тенью Данте. Тень его ну
Нелегко быть все-таки акт
Но пришла заветная пора...
Тень играя, становлюсь оп
Всей премьеры скорби и д
Александр

Я пришел в актеры нанимать
Гамлета неся в своей мечте.
Мне ж сказали: — Будешь
Тенью Данте. В полной темнот

вершенно сбивший с толку всех подряд отходный маневр: в полном составе ворвались в квартиру мэра города и картину туда подкинули. Дабы уйти от ответственности. Во спецы, а?

Отделим плевелы слухов от зерна истины.

Было:

Открылась в городе выставка картин видного художника, вызвала массовый приток в галерею знатоков и ценителей живописи. Прогуливались по прохладным залам среди прочих А, В, С.

И, глядя на то, как зрители музея рассеянно обсуждают, гуртуясь у окна, самую на сей момент важную проблему: какого колера престижнее купить автомобиль — «флора», «гранат», или «цитрус», — сказал С, художник:

— Отныне и навсегда, прежде чем выставить свои картины в любой из галерей, пойду и лично удостоверюсь, не такого ли же рода дежурные расставлены в залах. Если такого — не быть моим полотнам на той выставке. Неоднократно выставлялся, неоднократно пропадали мои картины.

— Да,— сказала В, архитектор,— это печально.

— Да,— подтвердил А, супруг В,— охраны, конечно, практически никакой. Случись тут сейчас жулик — ничего не стоит ему под полой пиджака уволочить любое из этих весьма ценных произведений.

И все трое сошлись во мнении, что городские власти смотрят на систему хранения художественных ценностей без должной пристальности.

— Надо перед ними поставить вопрос,— сказала В.

— Резонно,— заметил А.

— Бессмысленно! — отрезал С. — Гром не грянет, мужик не перекрестится. Нужен гром! Я предлагаю.

И С, захлебываясь от смеха, предложил:

— С одной стороны — оригинальная шутка. С другой — тот самый гром. Всколыхнем общественное мнение. Сейчас, сию же минуту, снимем со стены ну, скажем, вот это полотно фламандского мастера Тенирса «Рыбаки», вынесем его из помещения и тут же вручим директору галереи. Прилюдно, со словами: «Вот, товарищ директор, как поставлено у вас наблюдение за картинами. Всякий-разный может спокойно стащить все, что плохо висит».

— Мысль! — рассмеялся А.

— Не самая удачная, но мысль! — улыбнулась В.

И С спокойно снял со стены «Рыбаков».

В легком, воздушном, эйфористичном состоянии, предвкушая эффект, А, В и С спустились по лестнице, вышли из галереи.

Ее директора, только что прогуливавшегося в пределах прямой видимости, не было. Не было и гостей, пришедших на выставку.

Шутка стала выцветать, эффектного вручения картины не получалось.

— Пардон,— сказала В,— а не примут ли нас теперь за тривиальных жуликов? Что мы, собственно, сделали? Украли картину.

— Ну,— возразил С,— ну уж и так! Все знают, что мы люди честные. А гром все-таки должен грянуть. Отвезем картину мэру — председателю горисполкома.

Шутка обесцветилась уже до предела.

Эйфория начинала улетучиваться.

«Рыбаки» и сопровождающие их лица поехали на квартиру мэра. Которого дома не оказалось. Между тем в галерее началась паника.

Юрий ПРОКОПЕНКО

Позвольте заметить

Я подошел к строительной площадке и крикнул что есть силы:

— Эй, там, наверху! Вы как кирпич кладете? А раствора почему так мало? Экономить на новоселам решили? А балконы зачем лепите? Они ж вам работать помешают. Вы сперва стены покрасьте, а затем балконы пристраивать будете.

Строители удивленно уставились на меня, а я между тем продолжал:

— А движения какие ленивые! Стыдно смотреть. Вы что, бережете силы для других домов? Вот ты, в серой майке, ты чего сидя красишь? У тебя ж так ничего не выйдет. Кроме мазни, конечно. А цвет какой ужасающий! Давай что-нибудь повеселее — красный или желтый.

Строители буквально замерли на месте, ошарашенные моим монологом.

— И вообще,— продолжил я,— глазомер у вас такой же точный, как чувство ритма у коровы. Даже окна не умеете правильно расставить. А потом, что за чепуха — одно окно больше, другое меньше...

— Это не окно, а балконная дверь,— уточнил какой-то верзила.

— Прорабу будете такие сказки рассказывать,— отрезал я.— Наделали разных дырок в стенах, а теперь их дверьми называют.

— Вы чего работать мешаете? — подошел ко мне человек в шляпе.

— Уже доработались,— повысил я голос.— Дом не туда фасадом выпалили! Вы б его лучше повернули градусов на сорок — пятьдесят...

— Послушай, ты,— высунулся из кабины водитель самосвала,— если тебя откуда-то выпустили на час-два, это еще не значит, что тебе дозволено хулиганить.

— А на твоём месте другой просто молчал бы,— с вызовом ответил я шоферу.— Кто ж так руль держит?! И колеса не туда повернуты, словно бежать собрался от ав-

Рассказ

тоинспектора. Да и сидишь неправильно, орелик! Тебе бетон кастрюлями так управлять таким самосвалом.

— Послушайте, кто дал вам право людей оскорблять? — раздалось с вышки крановщица высунулась из кабины башенного крана.

— А ты чего крюком размахиваешь, разве так панели переносят?! — крикнул я ей.

Видимо, кто-то вызвал милицию. Потому что ко мне приблизился молодой сержант и отдал честь:

— Вы как честь отдаете? — перебил я его.— А свисток как держите? Эх, не сигарета...

— Попрошу со мной! — с ледяной вежливостью сказал он.

По дороге в милицию я сделал замечание продавцу мороженого, который стоял, где мне бы хотелось его видеть. Обругал дворника за то, что он маршрут не слева направо, а наоборот, справа налево. Предупредил велосипедиста, у него ноги не с того места выросли, потому что он тормозить не научился, толвал старушке, которая несла как минимум двадцатикилограммовую корзину усиленно дышать.

Кабинет участкового уполномоченного милиции воодушевил меня количеством замечаний, которую я выпустил единой очередью. Лейтенант даже хлопал.

— Чего вы дымите, как заводская труба,— дышать же нечем! А сейф видели? Ни пройти, ни проехать! За такой стол, как у вас, в комиссионном магазине. А ручку как вы держите? Сколько у вас в школе было по письму?...

— Кто вы такой, чтобы всех учить? — наконец опомнился участковый.— дал такое право?

— Кто я такой? — удивленно переспросил я.— Футболист! Кто дал мне право всех учить? А разве вы, болельщики, сидя на трибунах стадиона, постоянно меня, как бить, куда бежать, кому пасовать? Разве не мне адресуются все эти крики: «Куда бьешь, мазила!», «Кому даешь, олух?!», «Чтоб тебе повывазило!» Вспомнил, что тоже имею право на некоторые замечания...

Поборов минутное сомнение,
 Дал я положительный ответ:
 — Если надо тенью — буду тенью:
 Маленьких ролей в театре нет!
 Я дотошно изучил эпоху,
 Действие сквозное разгадал,
 И такую, братцы, тень отгрохал,
 Что Ю. П. Любимов зарыдал!
 Ниагара бешеных оваций!
 Крики «Браво!», «Бис!!»,
 «Гип-гип ура!!!»
 Со слезами лезли целоваться
 Те, что не здоровались вчера...
 Скромно говоря — успех кромешный.
 И в спектакле новом оттого
 Дали мне не Гамлета, конечно, —
 Тень отца убитого его...
 Да, большим артистом стать непросто,
 Но пришла желанная пора:
 Я в спектакле «Уриель Акоста»
 Собственную тень сыграл вчера!

¹ Достоверность ссылки на реакцию известного режиссера мне установить не удалось. (Авт.)

И улеглась, и то не совсем, она только тогда, когда «похитители», поняв, во что может перерасти задуманное, привезли картину назад. Слово «похитители», как вы заметили, стоит в кавычках. Но представим ситуацию.

...Пропажу заметили быстро. Милиция сработала оперативно. Картина обнаружена у А, В и С, скажем, даже у входа в галерею. Никакие доводы и объяснения ни в коей мере не подействовали бы. И «похитители», лишившись спасительных, именно спасительных, кавычек, превратились бы в ПОХИТИТЕЛЕЙ.

И вот конец этой забавной — забавной ли? — истории.

«Рыбаки» красуются на прежнем месте.

Желаемого — грома и следующего за ним переkreщения — А, В и С все-таки добились: дисциплина среди музейных работников города поднята на небывалую высоту.

И грустная женщина, уже известная читателю под шифром В, со слезами на глазах рассказывая о происшедшем, говорит:

— Если бы мы даже сознательно хотели себе навредить — никогда не смогли бы добиться такого эффекта. Наши имена склоняются сейчас на всех перекрестках. От слухов нет спасения. А ведь они совсем недавно были добрыми, наши имена...

Надеюсь, теперь читатель понимает, почему здесь не названы ни фамилии, ни место действия. Герои истории и так наказаны более чем достаточно. И всему причиной — мальчишеская выходка взрослых людей. Желание сделать доброе дело не вполне добрыми средствами.

Армянская ССР.

— Это сын из турпохода приволок, а в квартиру не влезло.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА.

изводить сквозной пропил дерева без недопила запрещается.

(Из инструкции по технике безопасности).

Прислал М. Кравец, г. Каменск-Уральский.

«...А вот на дереве сидит грозный беркут, держа в зубах зайца...»

Газета «Лесная промышленность».

«До выхода на подруб или подпил должен быть оставлен недопил, про-

«Знаете ли вы, что...»
 ...воздушный лайнер, перелетающий Атлантический океан, сжигает сорок кубических кубометров кислорода.»

Газета «Горьковская правда».

«На прошлом уроке мы уже с вами читали комедию Мольера. Сегодня надо прочитать ее обратно.»

(Из объяснений учительницы).

Прислал А. Кучинский, Молдавская ССР.

АКАДЕМИЯ НАУК ССР
 ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
 УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
 690003 г. Владивосток,
 ул. Ленинская, 50

СПРАВКА
 Дана Сергею Александровичу Федоровичу в том, что он, являясь сотрудником ДВНЦ АН СССР с 1976 г., носит бороду постоянно и, в дальнейшем обривать ее не собирается.
 Справка дана для предъявления в паспортный стол.
 Глузевко В.А.

Прислала Л. Дойникова, г. Владивосток.

Инна ГАМАЗКОВА

Да, бананы завезли. Были. Теперь нет. Почему? Давайте лучше я вас спрошу: хотите быть директором магазина? А я хочу. У меня план. А план — это Ивановский. Может зависить, может занизить. А Ивановский, как и все мы, от кого произошел? Знаете. А они-то, хвостатые, что обожают? Вот именно, бананы! Значит, Ивановскому надо. Пойдем дальше. Степанову надо: Степанов — тара. Теперь так: Петру Петровичу не дать — век «Волги» не видать. Семен Семенычу не дать — век воли не видать.

Маше не оставить — разрыв. Кате не оставить — развод. Витя на книгах сидит, Вова — на путевках. Надо? Надо! Лева — «Руслан», Нина — «Океан», Таня — «Все для дома», Саша — «Уют». Вам теперь понятно? Были бананы — нет бананов. А вы кто? Миша? Подождите, сейчас записную книжку достану. Так, есть. Миша — сауна, Миша — поликлиника и Миша — стеклорез. А вы какой Миша? Просто? Покупатель? Товарищ покупатель, у меня эти ваши шуточки во где сидят! Жалобную книгу? Ну зачем сразу так! Девочки, отпустите товарищу три килограмма. Ну вот и все, видите, я вас записываю: Миша — «Книга жалоб».

КОФЕ- МОЛКА ОТМЕНЯЕТСЯ

Услышав вопль мужа, Джейн стремительно влетела в комнату.

— Господи, Джордж, что ты кричишь, как зарезанный?

— Потому что меня зарезали! — кричал Джордж, размахивая газетой. — А заодно и тебя! И, мрачно развернув «Крисчен сайенс монитор», Джордж прочел следующие строки:

«В настоящее время почти 36 миллионов человек получают в Америке выплаты по социальному обеспечению. Это одни из достойнейших людей страны. И они меньше всего ждали, что Рональд Рейган урежет им пособия».

— А для нас с тобой, — заключил Джордж Смитсон, — это зарез. Как же тут не кричать! Но это еще не все. Знаешь, что пишет «Нью-Йорк таймс»?

И начитанный Джордж поведал историю поистине удивительную. Доблестные войска Соединенных Штатов, точнее, части быстрого развертывания, проводили с египетскими войсками совместные маневры вблизи Каира.

— Так вот, — заключил Джордж, — стоимость участия только одного строевого солдата США

в этих маневрах составила 40 тысяч долларов.

— Не может быть! — ахнула Джейн.

— Может, не может, но я этого так не оставлю.

С этими словами Джордж достал старый мундир и нацепил медали.

— Мистер Смитсон, если вы хотите предложить свои услуги на Ближнем Востоке, то купите мне, пожалуйста, из ваших сорока тысяч на первый случай кофемолку, — с грустной иронией молвила жена.

Не удостоив жену ответом, ветеран второй мировой войны Джордж Смитсон направился напрямиком в Пентагон.

Там его приняли, усадили, спросили, что он думает по поводу погоды.

— А что вы думаете по поводу этого? — и Джордж потряс газетой.

— А что именно вас интересует? Ах, это? Все правильно, сорок тысяч долларов. А вас не удивляет, что стратегический бомбардировщик «Б-1» будет стоить — один! — двести миллионов долларов? Ценами на подводные лодки случайно не интересуетесь? Три миллиарда долларов за штуку.

— Видите ли, я знаю все, что нужно моей жене, но про бомбардировщик «Б-1» она мне ничего не говорила. Что касается меня, то полагаю, что кое-как перебьюсь без атомной подводной лодки. Нам этого ничего не нужно.

— И это говорит американский ветеран! Позор...

— Я думаю, сэ, позорно для мировой державы превращать в нищих миллионы американцев. Вы сокращаете пенсии и без того мизерные. А

школь? Может быть, они уже не нужны, проживем и без них? Будем учить моих внуков в воздухе, то есть сразу, без грамматики обучать их летать на «Ф-16»?

— Дорогой мой, вы преувеличиваете...

— Нисколько. Вот точная справка. Сообщение министерства. В связи с тем, что федеральное правительство сократило ассигнования на школы, уже осенью этого года десятки тысяч преподавателей окажутся, так сказать, лишними.

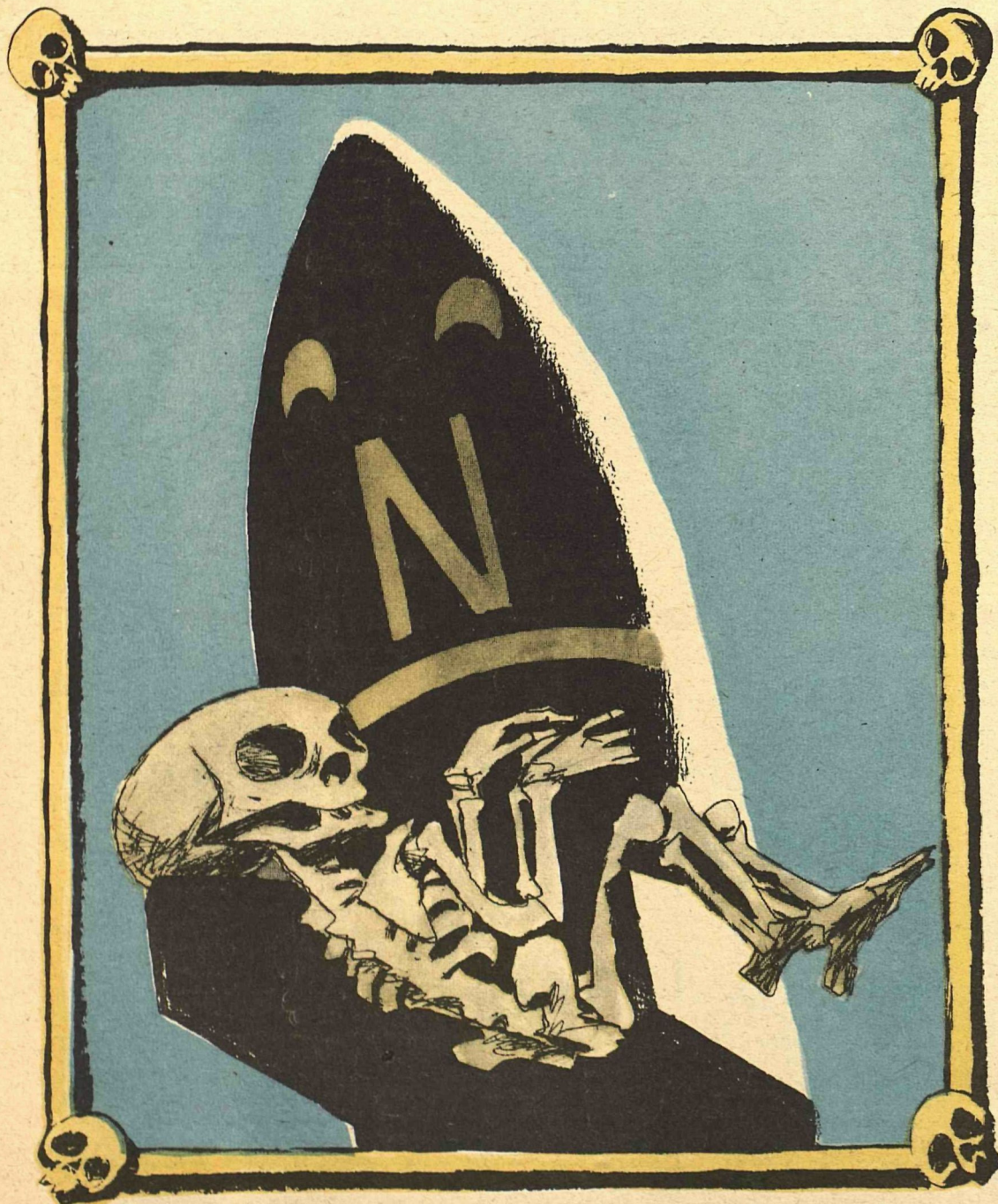
— Давайте говорить откровенно. Вы ведь не один в стране нуждаетесь, а ропщете. Попробуйте оставить без средств фирму «Локхид эйркрафт корпорейшн» или фирму «Боинг», я уже не говорю про «Макдонелл-Дуглас». Они так привыкли к миллиардным заказам на ракеты и военные самолеты, что без них просто обнищают. Разве можно такое допустить? Нет, нет, мы не позволим себе травмировать легкоранимые души патристически настроенных граждан из указанных корпораций.

— А если у нас девять миллионов безработных граждан, если четырнадцать миллионов живут на грани нищеты? Как это допускается?

Джордж Смитсон не получил ответа на свои вопросы. Когда же он пришел домой, жена справилась насчет кофемолки.

— Увы, Джейн, там полагают, что для нас с тобой важнее другие вещи. Например, истребитель-бомбардировщик «Ф-16», всякие там «Боинги» и так далее. Так что с кофемолкой придется потерпеть, а то, неровен час, господам из «Локхида» не миновать нищенской суммы.

Р. МЕЧНИКОВ.

«МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ» (по эскизу Пентагона).

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

Отзёт

Сядь в самолет «Аэрофлота», вылетающий в Милан, я из всех итальянских слов ведал лишь одно — «чао». Но, спускаясь через три часа по трапу на итальянскую землю, я знал, что смогу объясниться с любым итальянцем. Не подумайте, что за время полета я прошел во сне ускоренный курс итальянского. Совсем нет, без всякой гипнопедии, с помощью блокнота и карандаша, но при активном участии итальянских туристов, возвращающихся из Москвы, я составил походный мини-лексикон первой необходимости. Я рисовал, туристы называли изображенное мною, а я записывал порусски итальянские слова.

А держал я путь в город Анкона на выставку «Спорт в карикатуре». В поездке Милан — Анкона соседкой по купе оказалась студентка, изучающая языки. Звали ее Стефания. Велико же было ее удивление, когда она узнала, что я из Москвы, из журнала «Крокодил».

— Можно я буду называть вас «сеньор Коккодрилло»? Но как же вы сюда добрались, сеньор Коккодрилло? Ведь Москва — это так далеко...

Она еще многому удивлялась: и тому, что студенты в Советском Союзе не платят за учебу, а наоборот, получают стипендию, что каждому выпускнику предоставляется работа, что квартплата у нас остается неизменной почти шестьдесят лет и что батон белого хлеба стоит тринадцать копеек... И Стефания решила при первой же возможности побывать в Советском Союзе, чтобы самой убедиться в честности сеньора Коккодрилло...

Выставка в Анконе происходит один раз в два года. Участвуют в ней художники из многих стран, устраивают ее итальянский Олимпийский комитет, туристские фирмы и муниципалитет Анконы. А если перейти на личности, то инициатор, он же организатор, он же, проще говоря, душа выставки — сеньор Джузеппе Мистикелли, президент спортцентра Анконы.

Девиз 6-й выставки спортивного юмора звучал бодряще и веселяще: «Спорт — радость жизни». А что, разве это не так? И хотя изобретательность участников была ограничена рамками четырех видов спорта: дзюдо, прыжки, теннис, парусный спорт, — рамки эти оказались широкими, как улыбки многочисленных посетителей.

Говорят, что выставляются художники. К счастью, это неверно. Выставляются рисунки и картины, они, бедные, вынуждены неотлучно висеть на стенке, автор же тем временем разгуливает, где ему заблагорассудится. Так вот, лично я во время анконской выставки с интересом наблюдал жизнь простых итальянцев в Милане, Венеции и других городах и пришел к выводу, что она во многом отличается от красочных рекламных проспектов и путеводителей.

Ю. ЧЕРЕПАНОВ.

В ожидании покупателя.
Венецианские пейзажи — хлеб насущный
для бедствующего художника.

Колонны и колонки.
Бизнесменам не до охраны памятников
архитектуры. Лишь бы место было доход-
ное.

СИНЬОРА КЮККОДРИЛЛО

Дама с собачками. Ве-
нецианский вариант.
Венеция — магнит для
богатых туристов.

Реклама и жизнь.
...Если бы жизнь так же
улыбнулась бездом-
ным, как эта реклама!

Николай ЭНТЕЛИС В коричневых тонах

По сообщению газеты «Вашингтон пост», Соединенные Штаты «подумывают о возвращении» Западной Германии свыше 6000 полотен нацистских живописцев, прославлявших «подвиги» рейха. Среди картин — четыре акварели Гитлера.

Ценителей согрели
Рейхсканцлера творенья:
— Ах, что за акварели!
— О, сколько вдохновенья!
— Талант в любой картине!
— Бесспорно мастерство!

...Иным близки и ныне
«Художества» его.

Патент «Кря-кря»

В одном из разделов «Руководства по организации политических передач» диверсионной службы ЦРУ США — радиостанции «Свобода» — рекомендуется «...изобретать определенные события и факты...».

Чтоб новый факт изобрести,
Идут по старому пути:
Они в любое время суток
Изобретают...
Только уток.

И так вещают до упаду
Который год кря-кря-кря-кряду!

ОБИДЧИВЫЙ МЕКСИКАНЕЦ

Очень огорчились недавно генера-
лы из Пентагона:

— До чего же трудный народ мексиканцы! Нефти сколько просим — не дают, в наши блоки вступать не хотят, с кубинцами опять же торгуют, а теперь еще и жалобы пишут на нас.

А до жалоб, вернее, протестов, дело дошло так (рассказывает португальский журнал «Эспресу»). В высшей офицерской школе при Пентагоне шли занятия по стратегии. Условия: в связи с «коммунистическим вторжением» на Ближний Восток поступления нефти из этого района в США прекращаются. В интересах «национальной безопасности» Соединенных Штатов необходимо без промедления захватить нефтеносные разработки в Мексике.

Обучавшемуся в школе офицеру мексиканских вооруженных сил было поручено в составе команды планирования разработать план захвата... территории собственной страны. Однако офицер попался обидчивый и вместо плана написал протест. Дело дошло до президента Мексики...

Короче, шумная получилась история. А ведь по-отечески хотели научить человека, как хватать соседское. А он нет чтобы спасибо сказать за науку, чем-то еще недоволен. Ох, трудные люди эти мексиканцы!

А. БЕНЮХ.

— Вот попросили у зоопарка помощи, чтобы сельхозтехнику в дороге не растащили на запчасти!..

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

П. ЯКУБОВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

В ЛЕСУ НЕСЛЫШЕН, НЕВЕСОМ...

Замечательно шло собрание в Старобинском лесхозе Минской области, даже, можно сказать, бесподобно. Как жаворонки, звенели над залом с трибуны докладчики.

И вдруг не в тон заухал филином лесничий В. Балащенко.

Понятно, кабы лесничий всей мощью обрушился на избыточные осадки, угнетающие лесной подрост. Или, допустим, взять гусениц, огневок, совок, листоверток. Ведь толковому оратору минут двадцать критического доклада могут дать листовертки! А узкое место лесов — кабаны, подрыв ими корней, нарушение дернин?

Так нет же, не этим наболевшим вопросам, а пустякам посвятил Балащенко свое выступление. И договорился до того, что не в ладах лесхоз с техникой безопасности (вот — электрика током ударило), а химия с делян переместилась в отчеты: и приписки тут, и прочая злость, и директор лесхоза Корзун смотрит на это сквозь пальцы.

И подошел, багровея лицом, директор к Балащенко и не сквозь пальцы, а пристально посмотрел на него.

— Ты, Василий, однако, чего? — спросил директор. — Я, Василий, тебя в лосиный рог скручу!

И пошел досиживать в президиум.

А потом, хмуро шелестя брезентовыми дождевиками, в лесхоз прикатила комиссия. И сперва зашла на инструктаж к Корзуну.

В лесхозовский штаб комиссия вернулась быстро, но с четким выводом: долой лесничего Балащенко! Он плохой и не друг зеленого друга. И вот акт в доказательство тому.

Акт этот был составлен пугающе, вроде сводки о землетрясении. И подобрели при чтении глаза у директора, но щеки стали суровы.

— Бухгалтера ко мне! — крикнул директор. — Калькулировать будем, сколь убыточен Балащенко лесу!

Тут стало тихо. За чернильные приборы спрятали головы полуруководящие лица лесхоза. Оцепенели рядовые инженеры и техники. Представители общественных организаций, как говорили потом, просто влезли в столы, схоронившись там среди папок. Ибо все понимали: кто не поймет момента — так сейчас же окажется в лесхозе вakanсия!

Но не без уroda в семье, и встряла одна бухгалтерша, новенькая, пролепетала: здесь в бумагах написано, что Балащенко — хищник в смысле использования казенной тракторной тяги в домашнем быту. Это навет, и вот документы...

— Ты их тете своей покажешь, — уничтожающе молвил Корзун. — Вот те бог, вот порог.

По тому же

НЕДОЧИТАННЫЙ

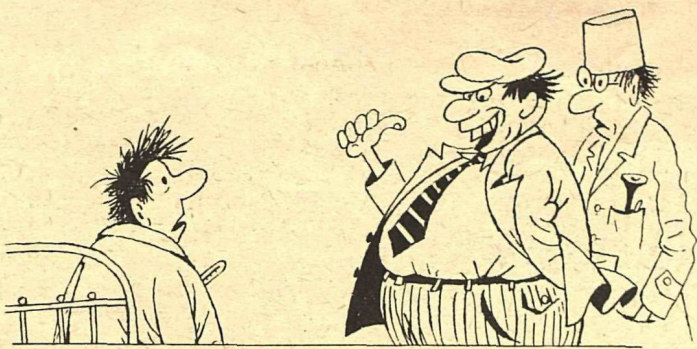
О серьезных недостатках в организации отдыха сельских тружеников в санатории-профилактории «Дубравушка» Корочанского района Белгородской области говорилось в фельетоне А. Константинова «Озябший Рокфеллер» («Крокодил» № 21).

Фельетон был обсужден на заседаниях бюро Белгородского областного и Корочанского районного комитетов КПСС.

За неудовлетворительную организацию работы санатория и слабый контроль за эксплуатацией зданий оздо-

ровительного комплекса председателю обкома профсоюза работников сельского хозяйства А. И. Авилу объявлен строгий партийный выговор с занесением в учетную карточку.

К строгой партийной ответственности привлечены заместитель председателя Корочанского райисполкома Г. М. Гридчин, председатель райкома профсоюза работ-

И, спасибо, набралась смелости местная старобинская баня взять кассиром бухгалтершу. Видно, занят был в то время Корзун, не обзвонил всех и вся старобинских руководителей, чтобы не смели брать.

Да, был занят Корзун: скручивал в рог Балащенко. И Балащенко слег.

— Хорошо,— удовлетворился директор.— А теперь, ребята-кадровики, отчеркните мне в кодексе о труде статью позловещей, я имею желание ткнуть в нее пальцем.

Сразу и ткнул Корзун в наизловещую статью, и автомобиль лесхоза прилетел без проволочек в больницу.

— Собирайся, Василий Леоныч. Это ничего, что в халатике ты. Байковый он, нарядный. Сдашь дела, а потом опять привезем сюда, дохварывай себе на здоровье.

И осуществили — уволили лесничего во время болезни.

Что сказать дальше? А выздоровел все же Балащенко. Стал искать справедливость. Лоскутки справедливости он на месте нашел, все инстанции сделали безвредные выводы для него, а вот работу ближе, чем за семьдесят километров от дома, аж в другой, Брестской области, Балащенко не нашел. Только придет он наниматься в местную организацию,— тут звонок от Корзуна: не принимать!

Так что лишь в Брестской области осмелились инженера взять в инженеры.

И шло бы дальше оно своим чередом, да однажды попутку, в кузове которой каждодневно ездил на работу Балащенко, остановили важные районные лица.

— Слезай! — поманили из кузова лесничего.— Слезай, Василий Леоныч, иди, получи за три месяца вынужденного прогула и вступи в свою прежнюю должность. Ты, как выяснилось теперь, хороший, а Корзун — много хуже. Ты Корзуном работать в Брестскую область вытеснен, вот и не слышал здесь взрыва. А при полном попустительстве Корзуна взрыв случился в котельной, и от должности он отстранен. Поэтому, Василий Леоныч, иди, самозабвенно служи. И не обойди ты своей критикой того факта, что подняли головы в лесу гусеницы да кабаны!

Выходит, повезло лесничему. А не случись того взрыва?

Белорусская ССР.

поводу

ФЕЛЬЕТОН

ников сельского хозяйства И. С. Сурнин, начальник отдела капитального строительства райисполкома В. И. Грицай и другие работники.

Бюро обкома КПСС обязало обком профсоюза работников сельского хозяйства, облмежколхозстройобъединение устранить отмеченные в фельетоне недостатки до 1 октября 1981 года.

Об этом нам сообщил

секретарь Белгородского обкома КПСС тов. А. Шенцев.

В редакции, однако, создало впечатление, что указанные инстанции прочли только первую часть фельетона,— ведь во второй половине корреспондент рассказал о функционирующей на территории «Дубравушки» чудо-сауне, построенной по последнему слову банной техники неизвестно кем, неизвестно на чьи средства и, главное, неизвестно для кого.

Ясности в эти вопросы тов. А. Шенцев не внес. Подождем.

Мимоходом

Таланта у него не отнимешь. А так хочется.

Ив. ИВАНЮК.

Иной раз, чтобы сделать добро, нужно здорово разозлиться.

Вл. ЛЕБЕДЕВ.

Равноправие — это для женщины уже пройденный этап.

Александр ФЮРСТЕНБЕРГ.

Из характеристики: «Скромн, в работе замечен не был».

Н. НИКИТИН.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

— В какое же ателье ты его носил?

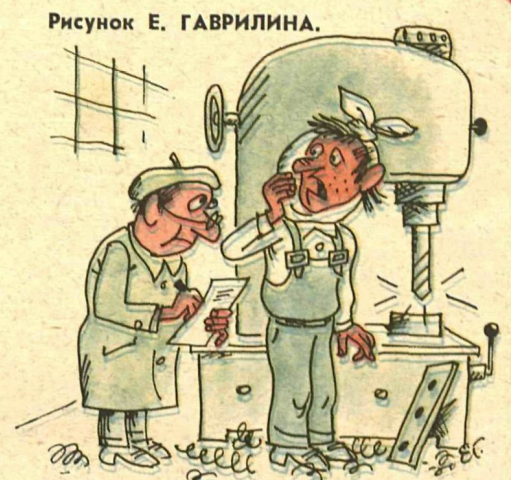

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА.

— Мастер, ставь на другую работу! После зубного врача на сверло смотреть не могу!

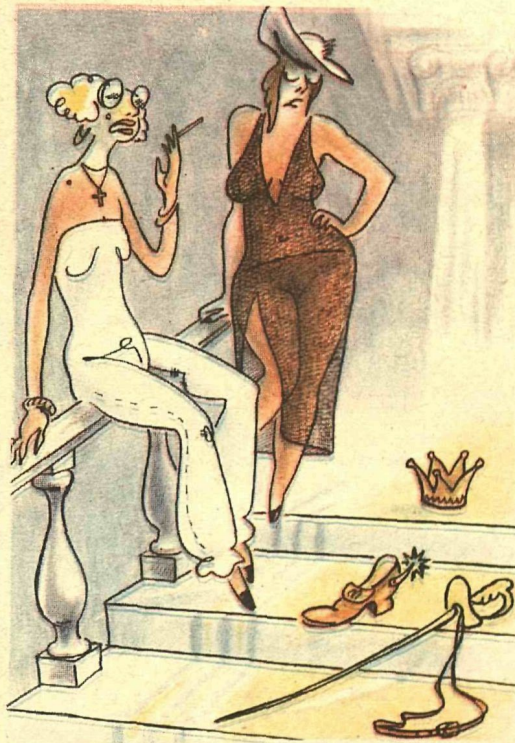

Рисунок Л. ШАРИФЖАНОВОЙ.

— Раз нет стаканов, тогда давайте чайный сервис на три персоны.

— А это принц потерял, когда я предложила ему на мне жениться.

Рисунок В. МОХОВА.

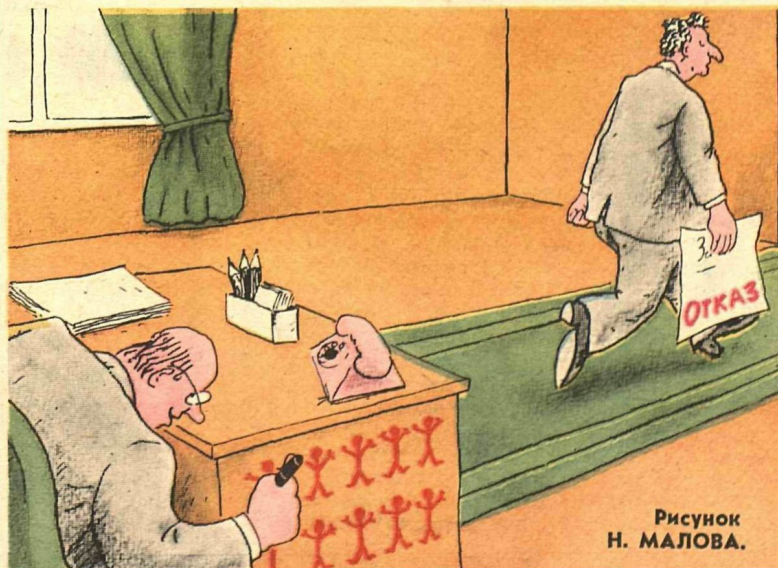

Рисунок Н. МАЛОВА.

КРОКОДИЛИНЫ

Исправленному верить?

— Отдай! Продай! Подари! Хочешь — возьми жену любую, но только ошарашив!

Человек с сумасшедшей искрой в глазах цепко ухватил за лацкан ошарашенного курортника, прибывшего в Кисловодск для придания приемлемой вертикальности пошатнувшемуся здоровью. Курортник довольно долго отдирав от себя просителя и наконец, отодрав, задышавшись, выдавил:

— Вы что, гражданин? Да на кой вам мой пиджак? Это же не «Диор». Опомнитесь!

— Какой пиджак? Вы о чем? — непонимающе уставился на курортника нападавший. — Я кол-лек-ци-о-нер. А на вашем пиджаке сияет уникальная вещь. Отдайте мне этот значок, а? А я вам за него...

— Нет, нет! — замахал руками отдыхающий. — Возьмите даром. — Он отступил совершенно бездумно купленный как-то в одном из курортных киосков «Союзпечати» значок, протянул его одержимому коллекционеру и, поминутно оглядываясь, засеменял прочь. А ошарашенный собиратель, прижимая добычу к сердцу, ринулся в другую сторону.

«Чокнутый, — думал курортник. — И чего он нашел уникального в этом значке, вся цена которому — двугривенный?»

«Милый простак, — думал коллекционер, разглядывая вождеденный предмет. — Этакую ценность — и так легко отдал.»

В данном случае прав был коллекционер. Он действительно получил уникальную вещь, причем уникальную вдвойне.

...Несколько лет назад Пятигорская сувенирная фабрика выпустила массовым тиражом значок, на котором был изображен кисловодский Большой концертный зал Госфилармонии. И немедленно исчез с прилавков, поднялся в цене в собирательских кругах тот значок. Потому что надпись на нем гласила: «Театр им. Гоголя».

А подобного рода забавные ошибки в большом почете у коллекционеров.

Однако у нашего курортника на лацкане пиджака имелся совсем другой значок. Выпущенный недавно той же Пятигорской сувенирной фабрикой. С изображением того же кисловодского Большого концертного зала Госфилармонии. Только теперь надпись на значке была исправлена. Вот таким образом:

Ю. САМОЙЛОВ, Ал. МААТИНЕЦ.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

пея, где Михаил Хонинов, по подпольной кличке Миша Черный, показал себя мужественным, отважным партизаном.

После окончания Великой Отечественной войны он возвращается в родную Калмыкию и с головой уходит в литературную работу. Его лирические стихи и поэмы сразу же привлекли к себе внимание читателей свежестью, яркостью образов, почерпнутых в окружающей его природе, народном быте, подвигах людей. Один за другим выходят сборники его стихов.

Тяга к сатире приводит М. В. Хонинова в «Крокодил». Он становится постоянным корреспондентом журнала, выполняет его задания, работает с читательскими письмами. Написанные им фельетоны всегда были отмечены не только печатью высокого профессионализма, но и искренней взволнованностью за судьбу несправедливо обиженных людей, которые нуждались в защите и поддержке. В журнале систематически печатались подборки его сатирических и юмористических стихов.

Память о М. В. Хонинове навсегда сохранится в наших сердцах.

ДРУЗЬЯ-САТИРИКИ.

Скончался Михаил Ван'каевич Хонинов, понесла тяжелую потерю калмыцкая литература, скорбная утрата постигла и отряд сатириков-крокодилцев.

М. В. Хонинов родился в 1919 году в семье потомственного животновод-степняка и рано познал нелегкий пастушеский труд. Получив среднее художественное образование, он начал работать в театре, пробует свои силы в литературе. Проходя воинскую службу, он волею судеб оказался в Белоруссии, где его и застала война. Началась долгая партизанская эпо-

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Вилли БРАЙНХОЛЬСТ
(Дания)

Проколота шина

В прошлое воскресенье мы с Марианной ехали по прелестной проселочной дороге, восхищаясь тем, что можно еще, оказывается, найти у нас такие пустынные уголки, как вдруг что-то громко хлопнуло. Марианна пронзительно вскрикнула, а я изо всех сил вцепился в руль, потому что машину упорно тянуло в кювет. Наконец мне удалось остановиться на самом его краю.

— Ты ранен? — прошептала Марианна.

— Ранен? — испуганно переспросил я. — Кем?

— А разве это не террористы?

— Это заднее колесо. Баллон спустил.

— А-а... — протянула Марианна, и мне показалось, что она была чем-то разочарована.

— М-да, так оно и есть, — констатировал я, вылезая из машины.

— Надеюсь, ты сможешь поменять колесо?

— Конечно, но зачем? В таких случаях следует прибегать к помощи дорожного сервиса. Знаешь, такие пикапчики, которые разъезжают взад-вперед по дорогам. Нужно только немножко подождать — и двинемся дальше.

Мы прождали минут сорок. Авто-сервис не показывался.

Я нашел брошюрку о дорожном сервисе и углубился в нее. Волноваться категорически не стоило. Раньше или позже автосервис обязательно должен был появиться. Неурочительно, как рассвет или, наоборот, закат. В брошюре было ясно сказано: «Вы можете остановить автомобиль дорожного сервиса или позвонить нам из ближайшего телефона-автомата».

— Надо спокойно ждать, — сказал я.

— А может, автосервис не слышал взрыва?

— Взрыва?

— Ну когда взорвалось твое колесо... А может, это слишком незначительная дорога? Может, твой автосервис курсирует только по магистралям?

Я взглянул на карту. До ближайшей магистрали было четыре километра.

— Ты пойдешь или я? — задал я через полчаса явно риторический вопрос, потому что Марианна даже не удосужилась мне ответить.

Наверное, я плохо смотрел на карту. Я брел, и брел, и брел, и четыре километра начали мне казаться бесконечными. Когда я выбрался из леса, я в изнеможении рухнул на обочину и прождал еще час. Странно, но ни одной машины автосервиса я так и не увидел. Солнце начало уже клониться к закату, и, если я хотел вернуться к Марианне заветло, нужно было спешить. И я тоскливо поплелся назад. Примерно через час я встретил грузовик с поросятами. Я поднял руку и остановил его.

— Хотите заработать на бутылочку? — подобострастно спросил я. — Помогите мне сменить колесо.

— Ну нет, — сказал шофер, — у меня своих дел хватает. Если я буду менять колеса всем, кто попадет на дороге, мои поросята передохнут. Найди телефон.

Начало быстро темнеть, и красный задний фонарь грузовика скрылся за поворотом. Я шел, и шел, и шел, проклиная автосервис, карту, проселочные дороги, шоферов-хамов и поросят. И вот, наконец, я увидел в темноте нашу машину. Она стояла уже не на краю обочины, и заднее спущенное колесо волшебным образом приняло первоначальный вид.

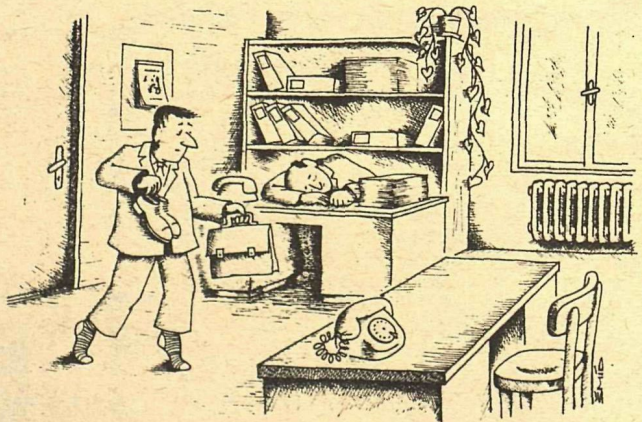
— Значит, автосервис все-таки... — начал было я, но Марианна лишь усмехнулась:

— Нет, но тут проезжал грузовик с поросятами. Шофер остановился и сказал, что такая милая девушка... Он, правда, выразился «аппетитная бабенка», но это не имеет значения. Да, так он сказал, что такая милая девушка не должна сидеть на спущенном баллоне, вместо того чтобы ехать по белу свету и искать свое счастье. И он поменял колесо и совершенно бесплатно, заметь. Мы немножко поболтали. Такой милый, симпатичный парень. Он заставил меня кое над чем задуматься. Знаешь, что он мне сказал на прощание?

Я не знал.

— Он сказал, что если я надумаю бросить своего мужа и найти себе кого-нибудь получше, я должна в первую очередь избегать таких тюфяков, у которых ни ума, ни силы, чтобы поменять какое-то несчастное колесо!

Перевела М. ТЮРИНА.

«Эуропео», Италия

Слова, слова...

Мой дом — моя крепость: кому хочу, тому и сдаю.

Фольклор английских домовладельцев.

Если не знаешь, кому жаловаться, значит, ты всем доволен.

Из австралийской монографии «Техника жалоб».

Часто груз прожитых лет неправильно называют жизненным багажом.

Ив Нюк, французский журналист.

Все не могут только сеять разумное, доброе, вечное: кому-то надо и пахать.

Извлечение из шумерских правил по выращиванию разумного, доброго и вечного.

Терпеливый человек — это человек, который легко выносит такие черты своего характера, которые раздражают его в других.

Всеобщая психологическая банальность.

Румен БАЛАБАНОВ (Болгария)

Когда победило обычное

Пригрело весеннее солнышко, и вся природа расцвела. Расцвел и Иван Миланов. Украсился нежными желтыми цветочками с головы до ног. Распушился так, что не мог шляпу натянуть на голову, не измяв соцветий.

И сразу оказался Иван Миланов в центре внимания. Еще бы! Ведь человек цветет не каждый день! Одни удивлялись, глядя на него, другие завидовали.

Других оказалось больше. Стали его семейные дела ворошить. Выяснили, что в жизни Ивана Миланова не все было гладко. Квартира тесноватая, должность скромная, сын накануне двойку схватил по математике. С женой нет-нет, да и поссорятся. И вдруг — на тебе! Расцвел!

— Подумаешь, — поморщились завистники, — цвести каждый может! Посмотрим, какой будет урожай!

Прошло два дня, и Иван Миланов принес плоды. Мелкие плоды, неопределенной формы. Похожие на груши, а может, и на яблоки.

— Ну, хорошо, плоды, — согласились завистники, — но наверняка кислые дички... Кому они нужны? Разве что свиньям...

Прошло еще несколько дней, и стало ясно — родились груши. И сколько! Весь Миланов был усеян грушами, так что в автобус нельзя было втиснуться без риска потерять половину урожая. И груши-то какие! Вкусные, сладкие, сочные! Аромат, как у королевских. Да что там королевские! Против милановских королевские — барахло.

— Дураку понятно, — не унимались завистники, — раз зацвел, значит, должны быть и плоды. Но так нечестно! Или пусть ходит на работу, как все порядочные люди, или пусть сидит дома и дает плоды, как все фруктовые деревья.

— Согласен! — сказал Миланов. И выбрал второе, потому что по дороге на работу одни стали задевать его, другие приставать к нему, а третьи норовили врезаться в Миланова так, чтобы стряхнуть с него половину груш. Пришлось Миланову остаться

Автомобилист остановился на крутом склоне и спросил проходящего крестьянина:

— Это правда, что спуск очень опасный!

Крестьянин подумал и покачал головой:

— Да нет, мсье, не так это. Все разбиваются только вниз.

дома. К счастью, семья его понимала, и урожай был неплохой — два килограмма на квадратный сантиметр.

— Ага, остался дома, — снова зашевелились завистники, — но это пахивает нетрудовыми доходами! Сидит в своей квартире, цветет, дает плоды. А денежки за груши в карман складывает!

— Какие денежки?! — смеялся Иван Миланов. — Если урожайный год, то еще куда ни шло...

— Урожайный, не урожайный, — наседали завистники, — но ведь ты дома сидишь! А мы в отделе пашем с утра до вечера!

Что оставалось делать Ивану Миланову? Пришлось вернуться на работу. Весь день он сидел за рабочим столом, а утром и вечером цвел и давал плоды. Чего только не предпринимали завистники: и поливали его соленым раствором, и гусениц сажали на цветы, и химикатами опрыскивали. Все напрасно! Цветет себе Иван Миланов и приносит плоды. Двое из отдела тоже попробовали зацвести, да не тут-то было. Даже почки не набухли...

— Как это тебе удается? — спросили Ивана Миланова.

— Усилим воли! — ответил он.

— Брось заливать! — не поверили завистники. — У тебя знакомства, потому и цветешь!

— Да, да... — подхватили остальные, — сегодня, чтобы цвести и давать плоды, нужны большие связи.

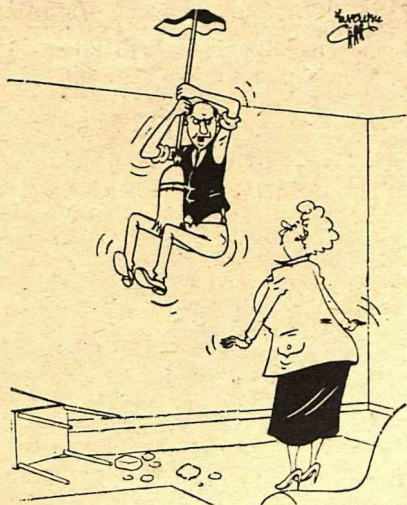
Эти слова обожгли Ивана Миланова, как обжигает первый мороз. И когда снова пришла весна и вся природа зацвела, на Иване Миланове не появилось ни одного бутона. И снова стал он обыкновенным человеком. И шляпу мог натянуть на голову и ничего не измять при этом.

Завистники облегченно вздохнули и перестали замечать его. Снова сидит Иван Миланов в родном отделе и перебирает бумаги. А груши покупает на рынке. По одному леву двадцать пять стотинков за килограмм.

Перевел А. КУЗЬМИН.

Сын миллиардера женился против воли родителей на бедной девушке и послал своего приятеля известить их об этом.

— Только сразу ты не говори, — предупредил он. — Их надо подготовить к этому. Скажи сначала, что я умер.

— Я постучал, чтобы они потише танцевали, а они не отпускают метлу!

«Биллед-бладет», Дания.

— Говоришь, этот галстук стоит восемьдесят крон! Да за эти деньги можно купить пару туфель!

— Да, конечно, но согласишься, что было бы довольно странно появиться с парой туфель на шее.

— Алиса, твой маленький братик уже ходит!

— Еще нет, но ножки у него уже есть.

— Ну как, хорош был яд для мышей, который я вам продал в прошлый раз! — спрашивает продавец у знакомого покупателя.

— Отличный! Мышам он так понравился, что они растолстели и перестали пролезать в нору, и кошка их всех переловила.

Экскурсовод при посещении туристами пещеры:

— Эта пещера возникла благодаря одному шотландцу, который пожаловался своим родственникам, что случайно уронил в лисью нору монетку.

— Что там этот клиент написал в книге жалоб! — спрашивает официант у шеф-повара.

— Ничего не написал. Он влил в нее шницель.

— Ну и что, что лицензия прошлогодняя? Я стреляю только в тех птиц, в которых промазал в прошлом году.

«Маклинз мэгэзин», Канада.

КРОКОДИЛ

№ 29 (2363)
октябрь

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора],
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ
[художественный редактор],
Г. О. МАРЧИК,
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
[ответственный секретарь],
В. И. СВИРИДОВ,
И. М. СЕМЕНОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМЕРНОВ,
С. С. СПАСКИЙ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
[зам. главного редактора].

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, В. Владов, Е. Гаврилин, Р. Друкман, Н. Малов, В. Мохов, В. Мочалов, В. Тильман.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 14.09.81.
Подписано к печати 24.09.81.
А 05180.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ.
л. 2,80. Уч. изд. л. 4,54.
Тираж 5 780 000 экз.
(1-й завод 1—3 630 567).
Изд. № 2341.
Зак. № 1289.

© Издательство «Правда».
«Крокодил», 1981 г.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

14 АПР 1981

ВОССОЮЗНАЯ
ОРД. ЭНЖ. ПОЧТА
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬЩИЙ СЕМПОЯР
1981 г.

S

БАЙКИ-БАЮШКИ-БАЮ...

Рисунок М. АБРАМОВА.